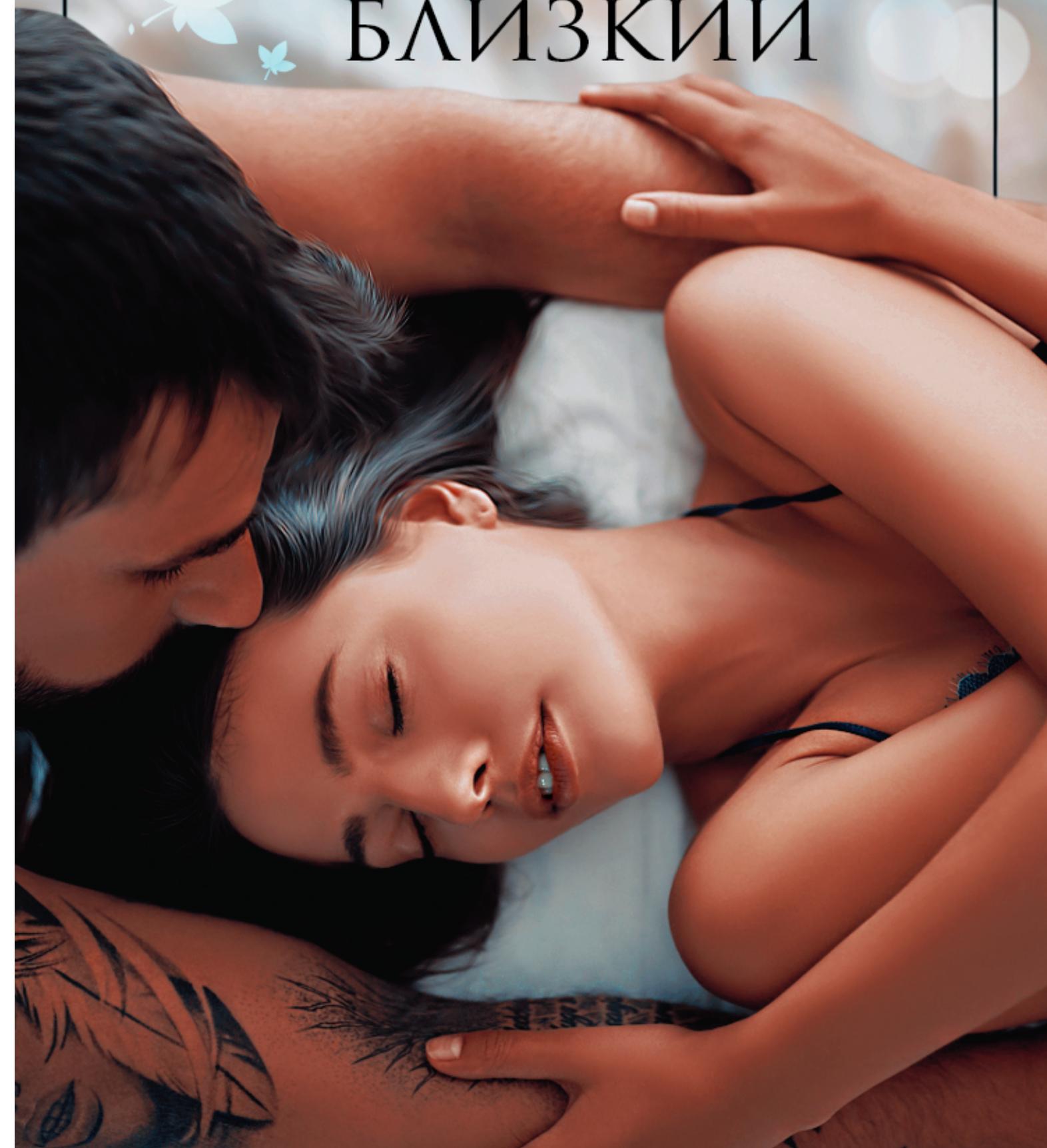

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Мой ДАЛЕКИЙ
БЛИЗКИЙ

Времена боли

Юлия Николаева
Мой далекий близкий

«Автор»

2021

Николаева Ю.

Мой далекий близкий / Ю. Николаева — «Автор»,
2021 — (Времена боли)

Из-за гибели моего бывшего я ввязалась в опасную игру. Теперь спасти меня может только один человек. Тот, которого я любила больше жизни и которому никогда не была нужна. - Ты не поняла, Ась. Это не предложение. Ты возвращаешься ко мне. Сейчас едешь домой, собираешь вещи, а вечером, когда я приеду, будешь встречать меня. Некоторое время я не находила, что ответить. - Ты бредишь, Андрей. - Хочешь проверить? Давай, ты знаешь, на что я способен.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Николаева

Мой далекий близкий

Пролог

Совершенно не хотел открывать глаза. Но по периметру черепной коробки словно развесили колокольчики, и они трезвонили без остановки, так что я был почти уверен, что рано или поздно произошел бы резонанс, и моя башка просто разлетелась вдребезги.

Открыл один глаз, обнаружив привычную обстановку, открыл второй. В упор не помню, как до дома добрался. Заметил, как погас экран телефона, но даже не предпринял попыток потянуться к нему. Перевернувшись на живот, положил подушку на голову. Но звонок повторился. Правда, на этот раз в дверь. Устав слушать мелодичную трель, я все же встал, кинув взгляд на часы. Девять тридцать утра, воскресенье. Сука, ну кого принесло? Не завидую я этому человеку. Вполне возможно, не скоро ему еще придется расхаживать по утрам в гости. Сняв трубку домофона, бросил хрипкое: – Кто? Пауза, а потом голос, которого просто не могло звучать по ту сторону. Мое лично наваждение вернулось. – Привет, Влад. Это Вика. Вика Царева.

Глава 1

*Если бы ваши тёмные мысли
Вылетали б из лба, будто чёрные птицы,
И, царапая белые лица прохожих,
Летели бы прочь,
То тогда бы, наверное, вы осторожней молчали
внутри.*

Камерный оркестр “Карелия” “Темные мысли”

Я вошла в здание бизнес-центра, наплевав на окрик охранника. Впрочем, знаю, что он за мной не пойдет, если, конечно, не получил разрешение вышвыривать прочь. Но судя по тому, что я беспрепятственно оказалась у лифта, не получил. Лифт ехал удивительно медленно, а может, это злость во мне так бурлила, что хотелось подогнуть его силой мысли, а лучше просто взлететь наверх и оказаться в нужном кабинете. Мое появление не осталось незамеченным, сотрудники проводили взглядами, но не остановили. Даже секретарь в приемной, хотя робко заикнулась на тему посетителей. Да плевать я на них хотела.

Дверь оказалась открыта, и я застала умильную картину: Шилов в своем кресле, а рядом на столе девица. Правда, все благопристойно, то есть она еще не успела раздеться.

Девица, увидев меня, соскочила со стола, стремительно краснея. Перевела взгляд на мужчину, но тот коротко кинул:

– Свободна, – и она покинула кабинет, обогнув меня по широкой дуге. Боялась, что я ей волосы вырву, что ли? Повезло, что я не по той части. А вот кому бы с удовольствием что-нибудь вырвала, так это наглому негодю, взирающему на меня с улыбкой.

– Привет, Ася, – сказал он ласково, я только тяжело вздохнула, приближаясь. Замерев напротив, поставила руки на столешницу и заявила:

– Меня уволили с работы. Опять.

– Да ты что, – совсем ненатурально высказался Шилов, перегнувшись ко мне и опершись на локти, – наверное, ты что-нибудь не то сделала. Или не сделала. – Я молча сверлила его взглядом, ожидая продолжения. – Например, не пришла в субботу на ужин в ресторан.

Я снова вздохнула, закатывая глаза.

– Ты серьезно? Мне казалось, мы перевернули эту страницу?

– Можно и назад перевернуть.

– И что теперь, – я впилась в него взглядом, – будешь опять рушить мою жизнь? Что ты от меня хочешь?

– Ты прекрасно знаешь, – он улыбнулся. Я растерянно похлопала глазами.

– Ты сам выставил меня, – сказала чуть ли не по слогам.

– Сам, – кивнул Шилов, – а теперь вот думаю, что погорячился. Возвращайся, Ась.

– Издеваешься? Я, конечно, знаю, что только игрушка для тебя, но это переходит все границы. Перестань лезть в мою жизнь, Андрей. И верни мне работу.

Развернувшись, я потопала к выходу, когда услышала:

– Ты не поняла, Ась. Это не предложение.

Застыв на месте, медленно обернулась.

– Поясни.

Шилов развел руками.

– Ты возвращаешься ко мне. Сейчас едешь домой, собираешь вещи, а вечером, когда я приеду, будешь встречать меня.

Некоторое время я не находила, что ответить.

– Ты бредишь, Андрей.

– Хочешь проверить? Давай, ты знаешь, на что я способен. Ключ от квартиры, надеюсь, у тебя остался?

Я молча смотрела на него, хлопая глазами.

– Тогда увидимся вечером, – ухмыльнулся он, – а сейчас извини, у меня дела.

Из кабинета я вышла в растерянности, рухнула на диван для посетителей, потеснив какого-то мужчину. Тот, правда, почти тут же скрылся за дверью, секретарь, участливо покосившись, пискнула:

– Воды?

Я перевела на нее взгляд, пытаясь таким образом вернуться в реальность. Ни черта не получилось. Мысли были далеко. Все же покачав головой, встала и направилась прочь. Шла по дороге, пытаясь осмыслить только что услышанное. Неужели опять? По новому кругу во всю эту жизнь?

В итоге я засела в кафе с чашкой кофе, грела об нее руки и смотрела в пустоту.

Шилов... Шилов Андрей Станиславович. Моя главная беда в жизни. Наказание за грехи, которых я просто не могу придумать в таком количестве.

Все началось почти год назад... и кажется, не закончится никогда.

Смотрю на свое отражение в зеркале: черное платье с небольшим декольте, приталенное, чуть ниже колена. Скромное, но красивое. То, что надо для ужина с деловым партнером. Точнее, партнерствовать будет только Илья, а я – ужинать.

– Как тебе? – кружусь перед ним, он хоть и улыбается, но мыслями далеко. Волнуется из-за предстоящей встречи. Для Ильи эта сделка, если она состоится, большой шаг вперед.

– Ты красавица, – чмокает меня в щеку, а я глажу его по плечам.

– Все будет хорошо, – улыбаюсь, чтобы приободрить.

– Спасибо, – улыбается он в ответ. – И спасибо, что согласилась со мной пойти.

– Кто-то же должен, раз мой братец так и не обзавелся спутницей жизни.

– Хорошо, что тут нет мамы, – хмыкает Илья, еще раз поправляя галстук. Да уж, для мамы это болезненная тема: двое детей, и оба не пристроены. Илюха в тридцать четыре даже думать о браке не хочет, а я в тридцать... Ну может, и хочу, да как-то не о чем думать. Точнее, не о ком.

Если нужен пример человека, которому катастрофически не везет в любви, так это я, изучайте в полный рост. Впрочем, я стараюсь на этом не заикливаться. У меня здоровая семья, замечательные друзья, отличная работа, интересная жизнь. Так что грех жаловаться, как говорится.

Мы с Ильей приезжаем первыми, что неудивительно, он так старается не проитрафиться, что гонит по городу, ругаясь на проезжающие машины. Хотя времени у нас более чем достаточно.

Успеваем усесться за столик и заказать напитки, когда немного успокоившийся брат нервно вскакивает. Я поднимаюсь следом, догадываясь, что пришел его партнер.

Оборачиваюсь и тут же наталкиваюсь на взгляд светло-серых глаз. Мужчина высокий и, наверное, красивый. Не смазливый, мужественный, черты лица грубоваты, энергетика подавляющая. Его взгляд от моих глаз скользит вниз по телу, и мне интуитивно хочется вцепиться в платье руками, словно оно вместе с взглядом сползает вниз, стекает, как вода, гладко и неслышно.

Я даже сжимаю ладони в кулаки, чтобы не прикрыться. Мужчина, кажется, замечает это, потому что усмехается краем губ. Брат начинает нас представлять, и его суета возвращает момент из застывшего состояния.

– Это Шилов Андрей Станиславович, – представляет Илья мне мужчину, – а это Ася. Черт, просила же: Анастасия, Анастасия. Асей меня дозволено называть только самым близким людям, а таких единицы. Но Илья за своими нервами, конечно, все забыл.

– Жена? – спрашивает мужчина, не отводя от меня взгляда. Брат запинаясь.

– Сестра, – говорю я, выходит немного сипло, откашливаюсь, тоже не отводя взгляда. Словно боюсь: отвернусь, а она сожрет меня живьем. Такой может. Черт знает, с чего я это так уверена.

Шилов снова усмехается и протягивает мне руку. Пару секунд я смотрю на нее в недоумении. Добровольно сдать в плен? И только потом понимаю, что веду себя, как идиотка. Моя ладонь кажется слишком хрупкой, оказавшись в его. Он не жеманится, легонько сжимает и отпускает.

– Это Снежана, – кивает на спутницу, даже не соизволив взглянуть. Я перевожу взгляд на девушку. Ей не больше двадцати пяти, когда Шилову явно к сорока. И что-то мне подсказывает, их отношения ограничиваются лежащей плоскостью. Я киваю девушке, Илья тоже, уточнить ее статус никто не решается, и мы молча рассаживаемся за столом. Я оказываюсь напротив Шилова и по тому, как он меня разглядывает, понимаю, что вечер будет долгим.

Потерев лицо руками, я откинулась на спинку стула. И что теперь? Я и впрямь поеду домой собирать вещи? Нет, и еще раз нет. Тяжело вздохнув, я закусила губу. Кого я обманываю? Шилов знает несколько верных способ заставить меня жить по его правилам.

Оказавшись в квартире, я некоторое время бестолково по ней передвигалась. Вытащила чемодан, снова сунула в шкаф. Не могла решиться, не могла поверить, что все начинается сначала. От метаний меня спас звонок в дверь. Оказалось, это Илья. Я обрадованно открыла дверь, ну хоть ненадолго отвлекусь от произошедшего.

Брат первым делом заключил меня в объятия, а отстранившись, принялся разуваться.

Понаблюдав за ним, я спросила:

– Что-то случилось?

Илья нервно рассмеялся.

– С чего ты взяла? Чаем напоишь? – попытался перевести тему, как будто плохо меня знает. Я сделала вид, что купилась, ушла на кухню. Заваривала чай, спиной чувствуя напряжение, исходящее от брата. Господи, неужели Шилов уже начал свои шуточки, и опять Илья попал под раздачу?

Поставив кружки и угощение на стол, я уселась напротив и, сделав глоток пахучего чая, снова спросила:

– Илья, что происходит?

Он вздохнул, водя пальцем по ободку своей чашки, глаз не поднимал. Я решила его не торопить, раз уж приехал, то расскажет. Ну надо человеку с силами собраться.

Наконец, Илья посмотрел на меня.

– Как у вас с Шиловым? – задал вопрос. Сердце екнуло. Ну вот, кажется, я была права.

– Он что, опять тебе нагадил? – спросила, нахмутив брови. Брат усмехнулся, качая головой.

– Нет... нет...

И снова замолчал. Честное, слово, сегодня все испытывают мое терпение.

– Да какого черта ты молчишь? – не выдержала я. Брат глубоко выдохнул, словно перед прыжком в воду, а потом выговорил:

– Говорят, у него неприятности.

Я вздернула брови.

– У Андрея? У него постоянно что-то да происходит.

– В этот раз ходят слухи, что все серьезно. Кажется, он поссорился с очень крупной рыбехой в бизнесе. Я бы даже сказал, с акулой.

– А поконкретней можно? Без мира животных.

– Если конкретно, есть такой тип по фамилии Звягин, из бывших бандитов...

– Кто бы сомневался, – перебила я со смешком.

– У него большая власть в нашем городе, а последнее время ходят слухи, что твой Шилов...

– Он не мой, – снова перебила я.

– Не придирайся к словам, Ась. Короче, Шилов с ним в контрах. Я не знаю никаких подробностей, но говорят, все очень серьезно.

Илья замолк, разглядывая меня, я, немного попялившись, спросила:

– Ты хочешь сказать... – спросила нерешительно. – Что жизни Андрея может что-то угрожать?

Брат нервно пожал плечами.

– Я ничего не знаю, Ась, честное слово. Вот что до меня дошло, то и рассказываю. Но если у вас с ним все по-прежнему, я хочу сказать... – он на мгновение сбился. – Ну... вы не вместе... То значит, проблемы нет. И тебя все это никак не коснется. Просто держись от него подальше.

Я отвела взгляд в сторону, уставившись в стену, зарылась пальцами в волосы. Вот значит, чего брат пришел, заволновался. И, черт возьми, как вовремя! Тут в голову пришла другая мысль: а что, если Шилов не просто так решил меня вернуть? Ни о каких чувствах речи, конечно, не идет, но многие ведь знали о наших отношениях. Шилов демонстрировал меня всем, кому ни попадя, и вполне может опасаться: враги решат, что через меня можно на него воздействовать. Отсюда и его стремление запереть меня у себя дома. Чтобы контролировать было проще.

Когда повернулась к брату, сразу поймала внимательный взгляд исподлобья, и тяжело вздохнула. Даже если я утаю правду, она вскроется через пару дней, когда кто-нибудь меня потеряет дома. Может, соврать, что уезжаю недели на две? Хоть какое-то спокойствие для них... Выходит, я уже решила, что перееду сегодня к Шилову? Я грустно усмехнулась, ну вот, а чего-то еще с чемоданом возилась, туда-сюда убирая. Для начала неплохо бы с ним поговорить и выяснить обстановку. В конце концов, возможно, его решение не самое дурное, главное, чтобы с моей семьей все было в порядке. Если он обеспечит им безопасность, я готова быть подругой Андрея до самой смерти. Внезапно внутри что-то кольнуло. Наверное, если бы я была суеверной, назвала бы это предчувствием. Но как показала моя жизнь: интуиция у меня обычно спит, если она, конечно, вообще есть.

И все же я решила поступить малодушно, а именно скрыть факт переезда, пока он сам не вскроется. Поэтому на взгляд Ильи улыбнулась:

– Ну пусть Шилов сам со своими врагами разбирается. Нас это не касается.

Брат, еще попялившись, кивнул. Сделав глоток, отставил кружку и, помаявшись, спросил:

– Ты его любишь, Ась?

Наверное, я так искренне удивилась, что он даже смутился.

– Кого люблю? Шилова? – меня вопрос рассмешил. – Илья, ты в своем уме? Как можно любить человека, сломавшего мою жизнь, а меня считающего игрушкой, которая во всем ему обязана подчиняться?

Илья покивал, молча глядя в кружку, потом поднялся.

– Ладно, поеду.

Я вышла его проводить. В прихожей, немного помаявшись, брат все же сказал:

– Если что, ты звони.

Я кивнула в ответ, и мы распрощались.

Закрыв дверь и традиционно помахав Илье в окно, я прошла в комнату и рухнула на кровать. Уставившись в потолок, подумала: что-то грядет.

Точно так же я думаю, падая на кровать в тот вечер после ужина. Мне кажется, только слепой мог не заметить, как откровенно Андрей на меня пялится. Илья слишком нервничает, чтобы обращать внимание на подобное, подруга Шилова вообще играет роль манекена, а я только и делаю, что ерзаю на месте, не решаясь поднять глаза. Потому что когда поднимаю, неизменно встречаюсь с пронзительным взглядом.

Наконец, я не выдерживаю и, извинившись, убегаю в туалет. Там торчу добрых минут десять, не имея ни малейшего желания выходить. Но понимаю, что мое отсутствие уже выглядит странно, да и брат может начать волноваться. Потому, протерев лицо водой, открываю дверь. Коридор пуст, но когда оказываюсь в холле перед входом в зал, вижу стоящего возле него Шилова разговаривающим по телефону.

Я замираю, даже делаю шаг назад, но он кидает на меня взгляд, так что удирать без оглядки как-то совсем глупо. И вообще, это общественное место, чего я, в самом деле, боюсь? Просто пройти мимо и все. Я выпрямляю спину и даже подбородок приподнимаю, чтобы мужчина не думал, что я его боюсь. Но он, кажется, и не думает. Даже не обращает внимания на мое приближение. Не успеваю я выдохнуть, что все обойдется, как мой локоть оказывается в цепкой хватке. Я замираю, слыша, как Шилов бросает в трубку:

– Подожди секунду, – потом наклоняется к моему уху и шепчет, щекоча кожу своим дыханием:

– Я хочу тебя.

Он произносит это таким тоном, словно это ничего не значащие слова, вроде “раздевалка вон там”. Я так обалдеваю, что пару мгновений хлопаю глазами, а потом накатывает злость. Шилов ведь из категории тех мужчин, не привыкших к отказам, считающих, что могут получить, что угодно и кого угодно. Я вырываю руку и говорю, стараясь выглядеть спокойной:

– Меня это не интересует. Извините.

Иду в зал, чувствуя спиной взгляд. И тут же слышу его слова:

– Ты будешь моей, Ася.

Я даже не останавливаюсь, сажусь за столик, кидая взгляд на брата и спутницу Шилова. Может, уехать? Сослаться на то, что мне стало нехорошо? И дать тем самым понять мужчине, что его провокации на меня действуют? Ну уж нет. Я не хочу портить Илье сделку, но унижать себя не дам, пусть даже не рассчитывает.

Остаток вечера я провожу с гордо поднятой головой, хотя взглядов Шилова все же стараюсь избегать. Его происходящее, кажется, забавляет.

И уже вечером, лежа в комнате, я думаю о том, что что-то из этого всего будет...

И оказываюсь права. Сначала Шилов пытается взять меня стандартным набором: цветы, ухаживания, – но я отвечаю категоричным отказом. После нескольких встреч он понимает, что таким образом ничего не добьется, и меняет тактику.

Сначала меня увольняют с работы, невнятно бормоча о вынужденном сокращении. Почему меня, одного из лучших сотрудников, доходит не сразу. Только когда у Ильи вдруг начинается срывать сделка, я догадываюсь, что происходит, и сама звоню Шилову.

– Это вы? – спрашиваю, заставляя себя сдерживать эмоции.

– Что я? – хмыкает он в трубку.

– Вы портите жизнь мне и моим близким?

– Что ты, Ася, – говорит он, – я еще и не начинал. Так, разминаюсь.

Я, сжимая зубы, считаю до пяти, потом спрашиваю:

– Чего вы хотите?

Кажется, на этот раз, правда, удивлен.

– Не будь душой, Ась. Я сказал тебе еще в первую встречу: я хочу тебя.

Некоторое время я молчу, осознавая услышанное.

– И вас не смущает то, что я не хочу? – спрашиваю наконец и слышу, как Андрей смеется.

– Захочешь, Ась, куда ты денешься.

И оказывается прав. В том плане, что деться мне действительно некуда. Шилов имеет слишком большое влияние в городе, чтобы я могла ему противостоять. А еще он знает, куда бить.

Глава 2

В квартиру Шилова я входила с легкой опаской, возможно, слова Ильи создали такое впечатление. Но там было пусто и тихо. Ключи я и впрямь не выкинула, правда, почему, сама не знаю. Прошлась, осматриваясь.

Ничего нового не обнаружила, словно не несколько месяцев назад ушла, а вчера. Вещей в итоге я взяла немного, только самое необходимое, в конце концов, это же не тюрьма, съездить домой я всегда смогу. Села в кресло и уставилась на картину, висящую на стене. Хмыкнула. Первое время я в этом кресле провела немало часов. Сидела, тупо смотрела в стену.

Спустя три месяца купила картину и водрузила напротив кресла. Андрей был не против, он вообще дал мне зеленый свет на все начинания, связанные с его интерьером. Мне кажется, даже если бы я выкрасила стены в ярко-оранжевый цвет, Шилов бы не моргнул. Если бы вообще заметил.

Я должна с ним поговорить. Потому что если мне, и правда, что-то угрожает, то я хочу об этом знать.

Он позвонил в половине шестого, я как раз варила в турке кофе, и это было одновременно знакомо и привычно, и в то же время странно.

Сняв трубку, услышала голос Шилова:

– Ну что, Ася, надеюсь, ты меня ждёшь, я как раз подъезжаю к дому.

По инерции я выглянула в окно кухни, оно выходило на набережную.

– Жду, – ответила коротко.

– Вот и хорошо, – Андрей отключился, я увидела его машину, приближающуюся к арке, ведущей во двор.

Я следила за ней, пока она не взорвалась. Видела гладкий чёрный корпус, представляла профиль Андрея, как он сжимает руль, даже как будто слышала шелест шин по мокрой дороге, а потом страшный грохот и рыжее пламя, закручивающееся кренделями, пускающее вверх столп чёрного дыма. Я смотрела на этот дым, кончики которого исчезали в воздухе, широко раскрытыми глазами и никак не могла понять, что происходит.

В голову пришла дурацкая мысль: если прямо сейчас бросить машину в Неву, может, ещё можно будет спасти?.. А потом наступило осознание, и я осела на пол, громко хватая воздух ртом.

Через мгновение я обнаружила себя в прихожей. Потом в парадной сбегавшей вниз по лестнице. Тапочка соскочила с ноги, и я поняла, что даже не переобулась. На краю сознания вылезла мысль о том, что тапочки в дом тоже покупала я. Откуда вообще этот бред сейчас?

Я вылетела во двор-колодец и понеслась к арке. Народу уже столпилось немало, движение остановилось, машины держались поодаль, пламя бушевало. Я стояла, глубоко вдыхая влажный осенний воздух с горьковатым привкусом дыма, смотрела и не верила. Так ведь не бывает? Я ведь говорила с ним. Только что говорила.

Не знаю, сколько я простояла вот так истуканом, но в себя пришла, как по щелчку, услышав чьи-то слова:

– Бандита взорвали, он в этом доме жил.

Моргнув, повернула голову, в горле застрял вопрос: как это, жил? А теперь что же, не живет?

И снова медленно повернулась к огню. Не живет. Андрей Шилов больше не живет нигде.

Я все-таки ушла. И хотя взгляд мой то и дело притягивался к окну, голова начинала соображать. Неужели это тот самый Звягин, которому, по словам брата, Шилов так насолил? Бандит избавился от бандита старым проверенным способом. Да разве так сейчас делают, ведь

не девяностые, далеко не девяностые. Что же такого Андрей мог напортачить, что они даже договориться не сумели?

Я потрясла головой, нет, не хочу знать, даже думать об этом всем не хочу. Сейчас главное просто осознать случившееся. Я огляделась, словно ища поддержки в окружающей квартире. Полиция приедет, и наверняка, они поднимутся. Меня могли узнать в толпе, да и выяснить, что я была в квартире, труда не составит, тут ведь камеры в парадной понатыканы. И хотя единственным моим желанием было убежать прочь, я осталась сидеть на месте.

Смотрела, как приехала пожарная машина, потом полиция, труповозка. Хотя какие трупы, спрашивается? От окна я отошла. Видеть то, что осталось от Шилова, не хотелось. Вскоре пришли и ко мне. Наверное, что-то в моем лице навело их на мысль, что я в шоке, потому что, переглянувшись, они начали вести диалог осторожно. Несмотря на то, что следователь, высокий худощавый мужчина лет сорока с вытянутым лицом, грустными глазами и смешной фамилией Синичкин, был учтив, наш разговор оставил неприятный осадок. Правда, по большей части я была недовольна собой.

– Я правильно понял, – задал следователь вопрос, – что вы расстались четыре месяца назад?

– Да, – кивнула я.

– А сейчас сошлись снова?

– Мы не то, что уже сошлись, но собирались... то есть я только сегодня к нему приехала...

Выходило сумбурно, но не рассказывать же в правду, как она есть? Я вздохнула.

– Простите, – сказала Синичкину, – у нас довольно сложные отношения. Не безоблачные. Я приехала в обед к нему в офис, ну и мы решили... в общем, я приехала сюда...

– У вас были ключи? – перебил мужчина.

– Да, остался комплект с того времени, как я тут жила.

Я ещё раз пересказала, как все было, следователю словно удовольствие доставляло слушать подробности?

Второй был молоденький, лет двадцати пяти, в основном молчал и что-то чиркал в блокнотике.

Мы немного посидели в тишине.

– Шилов не обсуждал с вами какие-то свои дела? – спросил наконец Синичкин.

– Нет, – покачала я головой.

– Ясно, – мужчина встал, молоденький вскочил следом, я тоже поднялась, ожидая вердикта. – Что ж, Анастасия Михайловна, соболезную вашему горю. Будем разбираться, так что оставайтесь на связи. Вы где жить планируете?

Этот вопрос так меня огорошил, что я не сразу ответила.

– Конечно, дома, – буркнула наконец.

– У себя? По месту прописки?

Я кивнула, Синичкин кивнул в ответ, и на том они удалились. Правда, в дверях следователь заметил:

– Будьте осторожны, Анастасия Михайловна.

Я немного постояла, прислонившись к двери, а потом пошла в комнату за сумкой. Уже нагнулась, взялась за ручку, и тогда-то подумала: я в квартире Андрея. Одна. Следователь, наверняка, придёт разбирать ее по кусочкам, да и не только следователь. Сейчас у меня есть возможность осмотреть ее первой. Тут же возник логичный вопрос: а зачем?

Но я не стала искать на него ответ. Первым делом направилась в кабинет. Квартира у Андрея большая, но на мой взгляд немного бестолково обустроенная в плане пространства. Когда-то это была коммуналка, выкупив ее, Шилов не поспешил, сделал перепланировку, сломал стены, но часть длинного коридора оставил. Как он говорил: для питерского антуража.

По сути, основная часть квартиры находилась в начале: просторная прихожая переходила в большую гостиную, из которой был выход в кухню и с другой стороны в просторную спальню и санузел. Из гостиной же уходил длинный коридор, в начале которого была ещё одна спальня, а в конце располагался кабинет Шилова и рядом комнатуха, используемая как кладовая. Я, например, в коридор даже не заходила, ну может, несколько раз, когда Андрей был в кабинете, а мне что-то было срочно нужно.

Сейчас я завернула в коридор и тормознула, темнота пугала. Хорошо хоть свет можно зажечь сразу вначале. Узкое длинное пространство залило желтизной. Немного постояв и поглазев, я решительно прошла до конца. Дернула за ручку, оказалось открыто. Я, кстати, поняла, что даже не знала, можно ли ее закрыть.

Включив свет в комнате, осмотрелась.

Бывала тут от силы раз пять, и то мимоходом. Мебели было немного: массивный письменный стол с вращающимся стулом, стеллаж с книгами, кресло с низким стеклянным столиком и картина на стене. Хмыкнув, я подумала: за ней непременно должен быть сейф. Даже подошла и руки протянула, но в последний момент замерла. Если вдруг будут снимать отпечатки пальцев, вот уж обрадуются моим. Быстро сбегав в кухню, нашла в ящике стола пару резиновых перчаток, и вскоре картина была снята.

Сейф имел место быть. И я даже попыталась вскрыть его, крутила разные шифры, но так и не угадала. Что ж, видимо, не судьба. В остальном повезло не меньше. Шилов предпочитал хранить важные бумаги или в сейфе, или в офисе, но никак не в ящиках письменного стола. Единственное, что тут обнаружилось, это записная книжка в кожаном переплете, которую я решила захватить домой.

Осмотрев ряды книг на полках, подумала, что, наверное, рыться в них не буду. Взгляд зацепился за Кортасара. “Игру в классики” подарила ему я. То есть как подарила, в наших странных отношениях не было месту подобным знакам внимания, но иногда мы все же говорили, и как-то зашёл разговор о литературе. Я тогда сказала, что Кортасар должен быть у каждого на полке, купила и поставила. Уверена, он ее даже не доставал.

Я вытащила книгу и открыла. Внутри оказалось несколько фотографий. Нахмурившись, увидела нас с Андреем, кажется, на одной из вечеринок. Он обнимает меня за талию и выглядит довольным жизнью. Я вдруг осознала, что никогда его больше не увижу. Смотрела на фотографию, вглядываясь в черты лица, словно пыталась запомнить. Нет, я не любила его, но по-своему он был мне близким человеком. А может, это просто привычка. Как известно, привыкнуть можно ко всему, в том числе и к плохому.

Я оказываюсь в доме Шилова без вещей, даже без верхней одежды, хотя на дворе конец октября. Просто когда звонит Илья и почти с ужасом говорит, что, кажется, прогорел, я понимаю: медлить больше нельзя. Как сумасшедшая, забыв куртку, несусь вниз, вызывая такси. Внутри бушует злость с горечью пополам. Я еду в офис к Шиллову, адрес которого вызнаю у Ильи.

Уверена, что меня даже на порог не пустят, но все равно еду, готовясь прорываться с боем. Но нет, миную охранника, а секретарь с улыбкой кивает в сторону кабинета после звонка боссу. Вхожу и закрываю дверь, разглядывая мужчину. Шилов сидит за столом в кресле, откинувшись на спинку.

*Улыбается, а я сжимаю кулаки, борясь с желанием прямо сейчас выцарапать ему глаза.
– Я согласна, – говорю, с трудом разлепив губы.*

Он вздергивает брови вроде бы в удивлении. Ему нравится эта нелепая игра, которая позволяет чувствовать своё превосходство.

– Согласна на что? – задаёт вопрос. Я сглатываю.

– Согласна быть... с вами.

Он ухмыляется, качая головой.

– Для начала неплохо было бы перейти на ты, как считаешь?

Я молчу, глядя на него исподлобья, Андрей отвечает внимательным взглядом, после встаёт и идёт ко мне.

Замерев в нескольких сантиметрах, спрашивает:

– Братец нажаловался?

Я молча стискиваю зубы. Шилов внезапно проводит пальцами от скулы к подбородку, и вместе с этим плавным движением я превращусь в мраморную статую, камня, холодея... умирая.

Андрей приподнимает мой подбородок и бродит взглядом по лицу, потом отстраняется и говорит:

– Поехали.

Мы молча идём по коридорам, он первый, я следом. Смотрю на его ноги: раз шаг, два шаг. Внутри что-то противно дрожит. Я что, сейчас себя продала? Не думать, не думать. Просто смотри за его шагами, не отвлекайся на мысли.

На улице словно прихожу в себя, налетает порыв ветра с мелким незаметным дождем, обхватываю себя за плечи и застываю. Глотаю холодный воздух, следя, как Шилов удаляется, даже не оглядываясь. Знает, что не сбегу. А если сбегу, то вернусь.

Я мышка в западне, а он кот, которому пришло в голову немного поиграть со своей жертвой. А потом он непременно меня сожрет. Целиком.

В салоне автомобиля приятный запах, на зеркале заднего вида качается на веревочке ароматизатор в виде лимона. Я наблюдаю за ним почти всю дорогу до дома.

В холле квартиры топчусь, в то время как мужчина проходит вглубь, бросив ключи на тумбочке.

– Ну что застыла, – его голова появляется из-за поворота в гостиную, – проходи.

Я осматриваюсь и ничего не вижу, словно пелена перед глазами. Осматриваюсь ещё раз, хмурясь, заставляя себя. Шилов, сидящий на диване, усмехается.

– И что дальше? – спрашиваю, глядя на него.

– Может, хоть руки расцепишь?

Я с удивлением опускаю глаза и понимаю, что обнимаю себя за плечи. Наверное, это интуитивная попытка закрыться, спрятаться. А я их вообще расцепляла с того момента, как вышла из офиса? Не помню.

Снова смотрю на Шилова, теперь он не ухмыляется, разглядывает с интересом, словно диковинную зверушку. Злость и горечь снова поднимаются откуда-то из желудка вверх, заполняя меня. Я резко опускаю руки и задираю подбородок.

Шилов в удивлении вздёргивает бровь и складывает на груди руки.

– Вы должны оставить в покое мою семью, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Не уверена, что получается. Это потом я привыкну к Андрею и перестану его бояться. А пока я только стараюсь не выглядеть жалкой.

– Не вопрос, – отвечает он спокойно, не сводя взгляда. Я киваю, теряясь. Шилов добавляет. – Только не вы, Ась, а ты. Вряд ли ты пытаешься проявить ко мне уважение, а чувствовать себя столетним старцем что-то не хочется.

Мы молчим некоторое время, я так и стою напротив него, напоминая самой себе выставочный манекен.

Потом я неуверенно спрашиваю:

– И что теперь?

Он вздыхает:

– Теперь?.. Теперь ты живёшь в этой квартире, и ты моя женщина.

– А брат? – бестолково спрашиваю я. Шилов ухмыляется.

Поднявшись, снова замирает рядом.

– Все у него будет хорошо.

Мы ещё немного смотрим друг на друга, но я почему-то знаю: он не прикоснется ко мне сейчас.

Шилов и впрямь обходит меня и со словами:

– Обживайся, – и молча покидает квартиру.

А дальше все меняется, как по мановению волшебной палочки. Через несколько дней Илья радостно сообщает, что сделка все же состоялась, и теперь все будет отлично. Потом отцу внезапно повышают зарплату. Даже мне звонят с работы и просят вернуться.

Все это похоже на сказку, только есть одно но: когда она заканчивается и книга закрывается, начинается правда. Для меня она сосредоточена в двух словах: Андрей Шилов.

Сначала я испытываю к нему только ненависть, когда ложусь с ним в постель, сжимаю кулаки и зубы, чтобы не разреветься от омерзения... а потом испытываю ненависть к себе, потому что мое тело отзывается на его умелые ласки, и я кончаю, дрожу от оргазма и ненавижу себя.

Внутри меня плавают самые разные оттенки чувств, они переливаются, то заполняя собой все пространство моей души, то пропадая где-то на задворках. Я то чересчур возбуждена, то спокойна до оцепенения. То смеюсь, то плачу.

Наконец, сплав застывает в одной форме: приветливого равнодушия. Так выглядит мое смирение, принятие той роли, что дала мне судьба с легкой руки Шилова.

Я даже привыкаю к нему. Знаю все его привычки, различию жесты и взгляды, знаю, что он любит, а что нет, от чего ему хорошо, от чего плохо...

Иногда, лёжа в постели, разглядывая потолок и слушая его мерное дыхание рядом, я думаю: я так хорошо его изучила, что могла бы убить.

Убить так, что никто бы не подумал на меня.

Идеальное убийство, которое бы положило конец всему происходящему.

Я вспомнила этот вечер: день рождения Артема Косницына, лучшего друга Андрея. Косницын в нашем городе личность известная, спортсмен, биатлонист, которому прочили отличную карьеру.

Артём упорно шёл к олимпийскому золоту, пока роковая случайность не перечеркнула все его будущее. Кроме спорта он имел еще одно увлечение: мотоциклы и быструю езду. Вот и влетел на полном ходу в фуру, не успев вовремя славировать между автомобилями. На спорте был поставлен жирный крест.

В двадцать четыре года Косницын оказался вдруг в свободном плавании, и наверняка пошёл бы камнем на дно, если бы не Шилов. Он вытащил друга из пучины депрессии, сначала приобщив к бизнесу, а потом вновь к спорту. Уже в качестве тренера.

И вот на его юбилее нас и запечатлел фотограф. Видимо, Артём передал эти фотографии Шилову, а тот сунул их в книгу. В ту самую, что купила я. Случайно ли? Я перевернула фотографию, откладывая на лист книги, чтобы взять следующую, и похолодела. Сзади была надпись. Чёрным маркером от руки: “Берегись”.

Дрожащими пальцами я перевернула остальные фотографии, раскладывая на столе. Сложить воедино труда не составило:

“Берегись, Шилов, Ася тебя погубит”.

В комнате мгновенно стало словно холодно. Я смотрела на эти слова, лихорадочно соображая: в чем смысл? Вряд ли Андрей сам написал это, но тогда выходит, кто-то прислал ему фото с посланием? Кто-то, кто был на мероприятии или мог достать фотографии оттуда. И что значат эти слова? Почему я погублю Шилова?

По спине пробежал холодок, и я вспомнила мысли об идеальном убийстве, которые вынашивала ночами несколько месяцев назад. Казалось, кто-то залез в мою голову и выкрал их оттуда. И попытался предупредить Андрея. Боже, какой бред.

Но легче не стало, на плечи словно тяжестью упала тишина пустой квартиры, а темнота сгустилась, вылезая из углов и окутывая. Я резко обернулась, глядя на открытую дверь. Пустой коридор тонул в желтом свете. Там, за поворотом, ещё много пространства, где могут быть чужие глаза.

Сердце забилося учащенно, дыхание стало таким тяжелым, что громко выдыхая, я мешала себе слышать тишину вокруг. Смотрела, как заворожённая, в коридор, и тут... в гостиной что-то гроыхнуло.

Я вздрогнула всем телом разом и застыла, чувствуя, как напряглись мышцы. До боли, которая ещё будет отдаваться в течение нескольких дней. Во рту мгновенно пересохло. Слева в груди словно разбежались мурашки.

Осторожно я взяла настольную лампу и направилась к выходу. Коридор никогда не казался мне таким длинным, как сейчас. Каждая клетка моего тела активизировалась, я шла, медленно ступая, а потом сделала резкий выпад.

Гостиная была пуста, на полу возле столика вибрировал мой телефон, пушистый ковёр поглощал звук. Я тихонько засмеялась, опуская руки с лампой. Нервное. Пальцы сами разжались, лампа с металлическим звоном упала на пол. Я бросилась к мобильному, отметив, что настенные часы показывают половину одиннадцатого.

– Господи, Ася! – Брат кричал. – Где ты?!

Я села на диван, прижав ладонь ко лбу. Мысли разбежались. Действительно, где я? В какой реальности? В кабинете Шилова я вдруг перенеслась в прошлое, такое близкое, но успевшее стать далеким. Потому что я очень старалась его забыть.

– С тобой все в порядке?! – продолжал выспрашивать Илья.

– Да, – ответила, наконец. – Да... Я на квартире у... Андрея.

– Что... Почему?!

Тут я вспомнила, что не рассказывала ему о великом переселении, но сил сейчас просто не было.

Илья, кажется, понял это:

– Ась, я приеду за тобой.

– Хорошо.

Повесив трубку, я несколько минут посидела, глядя в пространство перед собой. После пережитого страха в голове не осталось мыслей. Шелестящая пустота.

Взглянула на телефон: куча пропущенных вызовов. Илья, родители, подруга. Все потом. Наконец, я встала и вернулась в кабинет. Собрав фотографии, сунула их в записную книжку, а ее в сумку. Пожалуй, сейчас я все равно не додумаюсь ни до чего умного.

В ожидании Ильи выглянула в окно. Набережная тускло светилась желтыми фонарями, Нева темнела пятном за гранитными берегами. На случившееся несколько часов назад указывала только красно-белая лента, натянутая рядом с аркой, ведущей во двор. Движение было восстановлено, машины неслись, река шумела, дождь стучал в окно. Все, как всегда. Только в этом всем больше не будет Андрея.

Я вышла на улицу, когда Илья сказал, что подъезжает. Двор-колодец блекло освещался тусклым светом одинокого фонаря, углы тонули в темноте. Я сделала несколько быстрых шагов, чувствуя, как нарастает страх, словно кто-то смотрит на меня из темноты арки, ведущей в следующий двор. Предательски оглянулась, прислушиваясь. Темнота и тишина. Никого там нет, это только мои страхи.

Уверенно пересекла оставшуюся часть пути и вышла на набережную. Почти сразу рядом тормознула машина брата. Я юркнула в салон, и мы снова встроились в поток машин. Илья осмотрел меня встревоженным взглядом, словно искал боевые ранения.

– Уже знаешь? – спросила я, он вздохнул, качая головой.

– В новостях передавали. Я сразу стал звонить, а ты трубку не берёшь. Поехал к тебе, там никого. Подробностей никто не знает, отец чуть с инфарктом не слёг.

Я устало кивнула. Папа всегда был против Шилова, называл его бандитской мордой и не забывал упоминать, что такие, как он, кончают плохо. Оказался прав, надо же. Я представила перепуганных родителей и поняла, что совершенно не готова к разговору с ними.

– Отвези меня домой, – попросила Илью.

Он бросил взгляд, немного помолчав, спросил:

– Что ты делала у Шилова?

Я пожала плечами:

– Хотела поговорить. Ты сумел нагнать страху.

– А сумка? – он кивнул на мою небольшую спортивную сумку.

– В тренажёрный зал собиралась заехать.

Брат свёл брови у переносицы, но ничего не сказал. Я сама не знаю, почему молчала о нашем с Андреем разговоре и моем переезде. Да сейчас это уже и не имело смысла.

– Ты... ты видела? – неуверенно задал вопрос Илья. Я молча кивнула. Он быстро потёр лицо рукой. – Может, у меня переночуешь?

– А смысл? – хмыкнула я. – Родители прибегут, я сейчас не готова к разговорам.

Илья удивительным образом сочетал в себе любовь к семье и нежелание заводить собственную. Он переезжал из отчего дома с неохотой, жил в том же районе, снимал квартиру. А потом и вовсе купил двушку в соседней парадной. Сейчас на радость родителям там поселилась милая девушка Лида, хотя Илья и утверждает, что у них пока ничего серьёзного на жизнь не намечается.

Брат вздохнул, но свернул в сторону моего дома. Моя квартира находилась недалеко от Обводного канала, просторная однушка, купить которую тоже помог Илья.

Дела его всегда шли неплохо, а после стремительного “банкротства”, подстроенного Шиловым, и вовсе пошли в гору, к чему последний тоже руку приложил. Не скажу, что брат был очень богат, но жизнь мог позволить себе вполне комфортную.

– Ась, – позвал Илья, когда я уже вылезла из машины. Наклонившись, я заглянула в салон. – Если что, звони. В любое время.

– Спасибо, – улыбнувшись, я закрыла дверцу и отправилась к парадной.

Глава 3

Квартира встретила меня тишиной, но в отличие от шиловской казалась светлой и спокойной. Моя берлога, что скажешь. Я села в кресло, вытянув ноги и закрыв глаза. Илюха всегда был хорошим братом, но год назад стал проявлять просто не дюжую заботу. Чувствовал свою вину – ведь это он познакомил меня с Андреем.

Я начинаю выходить в свет где-то месяца через полтора. Шилов активно таскает меня по вечеринкам и деловым ужинам, знакомя со всеми подряд.

Это моя Ася, говорит он просто, и я первое время краснею и смущаюсь, потому что это звучит слишком лично. Я вижу, что на меня косятся, знаю, что перешептываются за спиной, и довольно скоро понимаю, почему: Шилов никогда не вводил женщин в свой круг общения.

Ещё через два месяца меня знают все, кому не лень. А я так и не понимаю: кто я вообще в жизни Шилова. Если бы могла поверить, что такие, как он, умеют любить, то сказала бы: да, этот подонок влюбился в меня, простую девчонку. История для любовного романа, только у нашей нет хэппи энда. Все кончается в один миг, когда, казалось бы, ничего не предвещало. Как раз после дня рождения Косницына.

Спустя пару недель Андрей возвращается домой под утро. Такое бывало и раньше, но в этот раз он будит меня, и вовсе не для того, чтобы заняться сексом.

Сначала я ничего не понимаю, тру глаза, но сонная одурь слетает, как только ловлю его взгляд. Тяжёлый, задумчивый, пробирающий насквозь.

– Что-то случилось? – спрашиваю, садясь на кровати, в груди сворачивается ком и тут же начинает дрожать.

Шилов рассматривает меня так, словно думает: каким образом лучше убить, и ни один из способов не отличается гуманностью.

– Мы расстаёмся, – он говорит это спокойно ровным безучастным голосом, я хлопаю глазами, глядя на него, и задаю нелепый вопрос:

– Чего?

– Расстаемся, – повторяет он громче, вставая и шествуя к выходу из комнаты. Остановившись на пороге, добавляет. – Ты мне надоела, собирай вещи и уезжай.

И уходит. Я сижу на кровати, бестолково хлопая глазами, ничего не понимая. Что это сейчас было?

Пару минут сижу, слушая, как Андрей ходит в гостиной, как наливает себе кофе из кофемашины. И ничего не понимаю. Ещё вчера вечером все было нормально. Что за блажь на него нашла?

Встаю и, накинув халат, выхожу в гостиную, уверенная, что Шилов стоит у окна с кружкой кофе и смотрит на Неву. Так и есть. На мои шаги чуть поворачивает голову. Окнув взглядом, снова возвращается к виду за окном.

– Я что, непонятно выражаюсь, Ась? – спрашивает спокойно.

– Но... почему? – мне бы радоваться, что все заканчивается, что золотая клетка треснула и развалилась, но столь неожиданный поворот пугает. Я хочу знать причины.

– Я же сказал, ты мне надоела.

Даже не оборачивается, так и смотрит в окно. Я переминаюсь с ноги на ногу, открываю и закрываю рот, так и не найдя, что сказать. Зачем-то киваю, хотя он ведь этого не видит. Мягко разворачиваюсь и возвращаюсь в комнату.

Чему я точно научилась за это время: быстро реагировать на его слова. Сначала просто потому, что боялась, потом опять же во многом привыкла. Передеваю и кидаю вещи в чемодан. Хочу взять только основное, но в итоге складываю все, что влезает. Я знаю: Шилов

не шутит, не проверяет меня таким образом. Он что-то там надумал и решил: в его жизни мне больше нет места. И лучше, если я заберу все, что касается меня, сразу.

Через пятнадцать минут выхожу в гостиную с чемоданом и спортивной сумкой. Шилов сидит в кресле с планшетом. На мое появление реагирует быстрым взглядом. Я снова замираю. Ну да, между нами не было любви, и вообще было не пойми что. Но... хоть что-то же можно сказать?

В итоге он и говорит:

– Ну чего застыла?

Я хмурюсь и спрашиваю:

– Надеюсь, ты больше не будешь третировать моих близких?

Шилов смотрит на меня, как на полную идиотку, а потом произносит:

– Ася, срать я на них хотел. О себе тоже можешь не волноваться.

Очень мило. Ну обозначил, что я, по крайней мере, у него желания опорожниться не вызываю.

Я киваю и ухожу. Бреду в недоумении вдоль набережной, сама не зная, куда, колеса чемодана постукивают по плиточной дорожке. Семь с половиной месяцев назад мою жизнь изломали и дали новую, на свой вкус. Сейчас с той же легкостью выбросили и отсюда.

Я не совсем понимаю, что чувствую. Обида? Сожаление? Растерянность? Последнее больше всего похоже на правду. Вдруг думаю, что так и не поняла, что за человек жил со мной все это время. Зная каждый его шаг, я не догадывалась, что скрывается в его голове.

Впрочем, теперь и догадываться не имеет смысла. Я выброшена из жизни Андрея, и мне остаётся надеяться, что навсегда.

В себя я прихожу медленно. Брат подкидывает денег на жизнь, потому ещё пару месяцев пинаю балду, постепенно адаптируюсь заново в привычной среде обитания. Наконец, нахожу работу. Не ахти какую, но для начала и это неплохо.

Моя лучшая подруга Ирка поглядывает с томлением, но не лезет, ждёт, когда я поделюсь откровениями. Хотя я уже все ей рассказала. Только она поверить не может, что меня просто выставили за дверь. Ирка упорно ждёт, что Шилов прискачет на коне и будет петь серенады под моими окнами, потом залезет на третий этаж по водосточной трубе и сделает мне предложение. Я только хмыкаю и никак не комментирую ее домыслы, пока до подруги наконец не доходит, что ничего не будет. Я-то и не хотела, но для ее веры в любовь и мужчин это серьёзное испытание.

Родители вздыхают, скорее, с облегчением, Илья тоже. Я не вдаюсь в разговоры, а они не настаивают и семимесячный эпизод под названием “Андрей Шилов” начинает медленно становиться прошлым и стираться ластиком памяти.

Пока несколько дней назад Шилов не звонит мне. Заявляет, что соскучился и приглашает в субботу в ресторан. А я не прихожу. За что в понедельник вылетаю с работы. Методы некоторых не меняются. Впрочем, и это уже не имеет значения.

Утром я проснулась рано, за окном было темно, дождь привычно барабанил в окно. В итоге поднялась, сварив кофе, уселась на подоконник, включая телефон. Вчера я эгоистично рассудила, что не готова вести разговоры ни с кем, включая родителей, и сегодня ловила сообщения о пропущенных вызовах. Первой позвонила Ирка.

– Аська, – заорала она в трубку, – приеду и убью, коза такая. Хорошо хоть Илюха сказал, что с тобой все в порядке.

С Иркой мы дружим с детства, наши родители жили на одной лестничной клетке, к тому же родили нас с разницей в пару месяцев. Подруга мне почти как сестра, потому и не церемонится в общении. Ирка замужем и уже заимела двух ребятшек, так что последнее время мы видимся несколько реже, но я все равно ее очень люблю.

– Я как новости увидела, чуть в обморок не грохнулась. Ты как?

– Нормально, – ответила ей, – наверное, еще не поняла.

– Да, дела... Хочешь, я приеду? Могу забрать тебя после работы...

– Я не работаю, – вздохнув, рассказала подруге о вчерашнем дне. Ирка, некоторое время помолчав, протянула:

– Да уж... Бывает же такое... Значит, у Шилова были враги... – на мой смешок быстро прибавила: – Я имею в виду такие враги, которые могли пойти на убийство. Ох, Аська, хорошо, что тебя не было с ним!

– Хорошо, – согласилась я.

Мы еще немного поговорили, а потом я, вздохнув, стала собираться к родителям. Посетить их было необходимо, потому что они, пока не увидят дочь своими глазами, не поверят, что я вообще жива.

Мама встретила меня с театральным криком. Она вообще по жизни натура импульсивная, к тому же с актерским образованием, которое осталось нереализованным на сцене. Зато в жизни она отрывалась, как могла.

Папа, глядя на то, как мама трагически застывает в позах и жестикулирует, всегда повторял:

– Наш театр не знает, кого он лишился.

Это обычно маму или смешило, или злило, но актерствовать она переставала.

– Ася, – она осмотрела меня с ног до головы, а потом прижала к себе. Обняв, я похлопала ее по спине.

Появившийся из комнаты папа только бросил:

– Выдрать бы тебя, – и ушел в кухню. Я не совсем поняла, к кому из нас относились эти слова.

В кухне пахло сырниками и кофе, так что желудок у меня заурчал, намекая, чтобы я не отлынивала и ела все, что дают.

Папа, макнув сырник в сметану, откусил половину и прожевав, заметил:

– А я говорил, что он плохо кончит.

– Миша! – мама бросила на него укоризненный взгляд, присаживаясь рядом, и уставилась на меня. – Ну как ты, солнышко?

У мамы все рыбки, зайки и солнышки, так уж повелось. Никогда не известно, кем ты окажешься сегодня, и в этом особая интрига.

– Нормально.

Я поморщилась. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы.

– Хорошо, что ты с ним рассталась, он мог и тебя втянуть в криминал, – папа совершенно не обратил на мамины слова внимания.

– Миша! – его имя мама совместила с трагическим жестом, и отец, махнув рукой, подхватил свою чашку с кофе и удалился.

Мама накрыла мою ладонь своей и ответственно заявила:

– Дочка, мне ты можешь все рассказать.

Я пожала плечами.

– Да нечего рассказывать, мам. Папа прав, мы расстались, да и любви большой между нами не наблюдалось.

Томительно вздохнув, мама откинулась на спинку стула, прикрыв лоб рукой.

– Кого я воспитала, – начала она привычную песню, а я подумала, что надо удирать, а то начнется баллада про наши с Ильей нравы, и про то, что мы будем коротать старость в одиночестве, а бедные родители умрут, не дождавшись внуков. В общем, ничего нового. Потому я налегла на сырники и чай.

Уйдя от родителей, однако не поспешила отправиться домой. Сидела в машине в соседнем дворе и пялилась на лобовое стекло в каплях дождя. Дел не было никаких, мысли текли вяло.

В конце концов, я сконцентрировалась на вчерашнем вечере, а точнее, на послании, которое кто-то оставил Шилову. В чем смысл этой фразы? Почему я должна была погубить Андрея? И глупое продолжение: не поэтому ли он со мной расстался, что испугался этого послания? Бред, конечно. Как бы я могла его погубить? Зарезать? Придушить подушкой? Или это игра слов и погубить употреблено в переносном смысле?

И зачем все-таки Андрей спустя несколько месяцев решил вернуть меня? Был ли в этом умысел? И не связан ли этот порыв с его неприятностями?

В общем, как ни пыталась убедить себя в том, что меня это не касается, у меня не очень получалось. И поэтому, заведя мотор, я отправилась в сторону офиса Андрея.

В нем царил хаос в натуральную величину. Все вокруг были пришибленные и суetyащиеся одновременно. Я направилась в приёмную Стаса Прохорова, зама Шилова. Мы не были друзьями, но виделись довольно часто, так что мое появление его не должно удивить.

В приемной было пусто, а за дверью раздавался громкий голос Прохорова.

– Да срать я хотел на эти документы, – ругался он, по всей видимости, по телефону. – Груз должен быть на месте завтра, или я на хрен с вас сниму неустойку.

Наступила тишина, стукнув пару раз, я заглянула за дверь. Стас, закатав рукава светлой рубашки, сидел на подоконнике, ероша волосы. Ему было лет тридцать пять, красавец брюнет, от которого млели все встречные бабы. Сам он активно этим пользовался, и даже успел дважды жениться и развестись, после чего решил, что с браком и серьезными отношениями стоит повременить, и пустился во все тяжкие. То есть начал менять девиц чаще, чем носки.

– Настя, – он посмотрел на меня растерянным и каким-то замученным взглядом. Представляю, как ему сейчас несладко. – А ты чего здесь? – словно опомнившись, встал и указал на диван. – Проходи.

Я села, наблюдая, как он, разместившись рядом, снова ерошит волосы, хмуря лоб.

– Говорят, ты была у него в квартире? – поднял на меня взгляд, я кивнула. – Вы что, снова сошлись?

– Ну это сложный момент.

– А эта куда делась? – он поморщился. – Карина или Марина, как ее... – и тут же добавил. – Извини, голова не варит. Сам не знаю, зачем спросил.

– Когда похороны?

– Завтра в два часа на Серафимовском. Косницын всем занимается.

Я кивнула и добавила:

– Можешь дать его номер?

Стас потянулся к трубке, и она тут же зазвонила.

– Задолбали, – выругался он, встав, отошел к окну. – Слушаю... Все работы будут выполнены в срок, вам не о чем волноваться. С документами непременно разберёмся. Да, да. Всего доброго, – и повесив трубку, добавил: – Трындец какой-то.

Поймав его взгляд, когда Стас повернулся, я спросила:

– Ты знаешь, за что убили Андрея?

Стас потёр виски.

– Я пока вообще ни хрена не понимаю, Насть. Да кто сейчас так поступает? Все договариваются, у нас же не девяностые.

Мне так и хотелось спросить: а Звягин? Но я сдержалась, решив не выказывать осведомленность. Если даже до Ильи дошли слухи, то Стас точно в курсе. И если молчит, значит, не хочет рассказывать, без толку спрашивать. По крайней мере, сейчас.

– Дашь номер Артема? – напомнила я.

– Да, точно, – спохватился Стас.

Вскоре я снова сидела в машине, слушая незатейливую мелодию в ожидании ответа.

– Да, – бросил в ответ коротко низкий мужской голос.

– Привет, Артём, это Настя Киреева.

– Да, привет, – голос несколько смягчился, в нем скользнули нотки усталости.

– Можно с тобой встретиться?

После заминки услышала:

– Зачем?

– Поговорить.

– Я зашиваюсь, Насть. Может, завтра после... – сбившись, все же произнёс: – После похорон?

– Хорошо, – быстро согласившись, я распрощалась с мужчиной.

Бросив телефон на панель, поглазела перед собой. Наверное, я веду себя неправильно. Не знаю, почему. Как-то так вышло, что в моей жизни не умирали близкие люди. Точнее, в моем сознательном возрасте. Родители мамы ушли из жизни рано, бабушка через месяц после моего рождения, дед, когда мне было четыре. По папиной линии дед умер молодым от сердечного приступа, а бабушка ещё жива. Родные и друзья, слава богу, тоже остались в стороне от смертей.

И сейчас я, кажется, просто поверить не могла, что Андрей действительно умер. Умирают где-то там, в других жизнях, далеких от моей... Только вот в этот раз, кажется, попало прямо в цель.

Больше всего удивляло странное ощущение пустоты внутри на контрасте кипящей вокруг жизни. Мне казалось, время должно остановиться, замереть, и я вместе с ним. Но все вокруг бурлило, кипело, словно пытаюсь доказать: никакая смерть не остановит этот поток. Жизнь словно не хотела дать нам, живым, ухватиться за костлявую руку смерти и, рыдая, спросить: почему? Почему так?

Я не понимала, не могла понять, что происходит в моей душе. Веду себя отстранённо и даже как будто безразлично... Но есть ли во мне пустота? Нет. Наоборот, впервые, наверное, я так остро ощущала в себе все то, что связывало нас с Андреем. Может, потому, что кроме этого больше ничего не осталось?

Я тяжело вздохнула, потянулась к сумке и тут же наткнулась на записную книжку. Ладно, о фотографиях постараюсь узнать завтра. А сегодня можно почитать записи, хотя уверена, я ни черта в них не найду. Вернувшись домой и перекусив, устроилась на диване с записной книжкой и кружкой чая.

В чем-то я оказалась права. Записи были хаотичными, словно он записывал памятки на скорую руку. Что-то типа “Позвонить тому-то”, или “кафе”Виктория” в семь”. Ничего чётко расписанного и понятного. Изредка попадались даты, так что я пришла к выводу, что книжку он начал вести после нового года.

С упорством листала страницу за страницей, пока не наткнулась на следующее:

"Нотариус в 15.00, Ася"

Мое имя было подчёркнуто несколько раз. По прикидкам, запись сделана пару месяцев назад. Конечно, есть вероятность, что это не я, но все же, наверное, у Шилова не миллион Ась. Зачем он обращался к нотариусу, и при чём тут я? Вряд ли мне удастся найти ответ, даже если я найду эту нотариальную контору.

Больше ничего, связанного со мной, не было. Немного подумав, я нашла дату, ближайшую ко дню рождения Косницына, и снова стала читать. И обнаружила запись:

“Посмотреть запись с камер”.

Я покусала губу. Что, если письмо не было отправлено по почте? Кто-то принёс и бросил его в ящик. И Шилов хотел посмотреть камеры, чтобы увидеть этого человека? Вполне себе вариант, но мне снова мало радости: слишком много времени прошло.

Да и мой интерес может вызвать подозрение, ведь идёт следствие. С другой стороны, если Андрей тогда что-то узнал... Он мог попросить запись. Может, стоит рассказать следователю? Уж он имеет больше возможностей, чтобы порыться во всех вещах Шилова. Глядишь, найдёт что-то полезное.

Я вздохнула, ага, вот Синичкин сидит и ждёт меня с распростертыми объятиями, чтобы слушать ничем не подкреплённый бред.

И тут звонок мобильного заставил вздрогнуть, разрезав тишину комнаты.

Илья.

– Ну как ты? – задал вопрос. – Мама сказала, ты была с утра.

– Угу. Вот тоскую дома.

– На похороны пойдёшь?

– Да.

– Завтра в два на Серафимовском.

Я чуть не сказала, что знаю, но решила промолчать.

– Спасибо, – ответила вместо этого и, поколебавшись, добавила. – Илья, этот Звягин, он вообще что из себя представляет?

– Тебе зачем? – тут же насторожился брат.

– Просто интересно. Ты думаешь, это он... Андрея?

– Не знаю, Ась... Если честно, я стараюсь об этом не думать. И тебе то же советую. Лучше не лезть и не ворошить. Шилову уже все равно, а нам тут ещё жить.

Он произнёс эту речь с заминками и как бы смущаясь, но я понимала: это забота обо мне и о нас. Не мне тягаться с такими людьми и искать правду. Не мне...

Но есть что-то, касающееся меня. По крайней мере, я могу быть в этом уверена, глядя на фотографии, лежащие на столе.

В этом-то я имею право разобраться?

Глава 4

На похороны съехалось какое-то невероятное количество народа. Стоянки у кладбища нет, со стороны входа переезд, так что я лично не пожалела, что отправилась на своих двоих. Люди шли и шли, и мне не составило труда найти могилу.

Оказавшись в разношерстной толпе, я украдкой принялась всех рассматривать. Мать Андрея увидела сразу, она стояла чуть в стороне, как всегда невозмутимая, высокая, с прямой спиной. Бывшая балерина, воспитавшая сына в одиночестве. Сколько помню, Арина Валерьевна казалась мне непробиваемой стеной невозмутимости и равнодушия.

Шилов говорил, это только маска, и на самом деле за этой фигурной статуей прячется добрейшей души человек, готовый всем дарить любовь. Я относилась к этим словам с большим сомнением, и сейчас, наблюдая, как она стоит вся такая прямая, пряча взгляд за вуалью на шляпке, только утвердилась в своём мнении о том, что всем подряд эта женщина любовь дарить точно не будет.

Глаз выловил Стаса и Артема, ещё несколько знакомых человек. Но много было тех, кого я видела впервые. Кто эти люди, что значили для Андрея? И что значил для них он?

Шилова хоронили в закрытом гробу, неудивительно, после такого взрыва там вообще, наверное, мало что можно было собрать. Мысль, проскользнувшая так обыденно, вызвала приступ тошноты. Я потёрла лицо руками и вдруг почувствовала легкое касание. Обернувшись, увидела Ольгу.

Она была стоматологом Шилова и при этом подругой. Они оба утверждали, что их отношения так и не пересекли дружескую черту, в частности потому, смеялся Андрей, что он безумно боится зубных врачей, и потерять Олю для него поистине беда. Женщина мне нравилась, ей было лет тридцать пять, но выглядела девчонкой, невысокая, худая, с милым личиком. Мы не то что дружили, но среди знакомых Андрея я ее выделяла, и несколько раз мы ходили по магазинам и пили кофе.

– Как ты? – Оля легонько сжала мое плечо, грустно улыбнувшись.

Я улыбнулась в ответ. Мы так и стояли рядом всю процессию. Она прошла быстро, гроб опустили под всеобщее молчание, если кто-то и плакал, то тихо в стороне. Я обошлась без слез, но чувствовала нарастающую в груди тяжесть. Словно гроб опускали не под землю, а мне в душу.

– Это неправильно, – пробормотала я, – это все неправильно.

Начал накрапывать дождь, и работники кладбища закопали быстрее. Вскоре народ нестройно потянулся к выходу. Я поймала за руку Артема.

Он посмотрел сначала удивлённо, а потом сказал:

– А, Ася... Поехали в ресторан, на поминки.

Этого мне хотелось меньше всего, но я зачем-то кивнула и поплелась вслед за толпой. Оказывается, Артём заказал автобус. Ресторан был недалеко, на зеленом пятачке расположился бизнес-центр, на верхнем этаже которого и было заведение, располагавшее выходом на открытую веранду, куда, само собой, народ тянуло курить.

Мы сидели вместе с Олей, и в этом царстве вилок, звенящих о тарелки, и гуле голосов мне меньше всего виделась скорбь по умершему человеку.

– Вот так и бывает, – вздохнула Оля, крутя в руке стакан с соком, – сегодня человек строит планы, а завтра его нет.

Банальность, подходящая к воспоминаниям о любом умершем. Такая обобщенная и такая точная.

– Всего пару месяцев назад он был у меня на приеме, делал полное обследование, – Оля грустно усмехнулась, – говорил, что хочет улыбку, как у голливудской звезды.

Напала странная тоска, мне не хотелось слушать вот это все, эти обрывки воспоминаний об Андрее. Возможно, потому что у меня своих было предостаточно, и они разъедали меня изнутри задолго до смерти мужчины.

Я выскользнула на веранду, тут было много народу, в основном мужчины, среди которых и Артём. Увидев меня, сделал знак, а вскоре оказался рядом. Мы расположились в стороне, возле большого цветущего фикуса.

– Как ты? – спросил он меня, я даже немного растерялась. Зачем все задают один и тот же вопрос? Что они хотят услышать?

Пожала плечами. Косницын, вздохнув, уставился на свои руки.

– Артем, – позвала я, – ты знаешь, кто мог пойти на такое?

Косницын, снова вздохнув, пожал плечами. Повернув ко мне голову, сказал:

– Я в его бизнес не лез, хотя и имею свою долю в фирме. Стас говорит, последнее время Андрей зарывался, не шел на уступки, отсекал нужные связи... Знаешь, как будто специально напрашивался на конфликт. Стасу говорил, что пора идти дальше, а то застряли в одном сегменте и никуда не движемся... А потом появился один человек... Звягин его фамилия. Стас считает, что только он мог пойти на такие меры. Полный отморозок, привыкший устранять все проблемы самым радикальным образом.

Мы немного помолчали. Все это было логично. Так логично, что поневоле закрадывались сомнения. Вот так просто все? И друзья, и коллеги разом пришли к общему выводу. Менты, наверняка, тоже особо рыскать не станут, покопают слухи, сделают те же выводы и успокоятся, оставив смерть Андрея очередным висяком. Одним больше, одним меньше...

Тем более, вряд ли даже при всем желании они смогли бы что-то предъявить этому Звягину.

– Слушай, – обратилась я к Артему, – помнишь, мы праздновали твой юбилей...

Косницын уставился на меня с недоумением. Ну да, странный вопрос, наверное.

Я спешно продолжила:

– Там ведь был фотограф? Я подумала, что он мог заснять нас с Андреем. Ну знаешь...

На память.

Мысленно я сморщилась, потому что такая идея вряд ли бы пришла мне в голову. Наша с Андреем жизнь была очень странной, слишком странной, чтобы я хотела оставить от нее в своей памяти хоть что-то.

– Этим всем Люда занималась, – ответил Артем, – спроси у нее.

– Спасибо, – кивнула я. Мы еще немного посидели, и он отошел к группе мужчин, вышедшей покурить, а я потопала искать его жену.

Люда стояла с матерью Шилова, и я даже на мгновение замедлила шаг. Не скажу, что мы не ладили. Скорее, наши отношения можно было обозначить как вежливое равнодушие. Впрочем, подойти к ней не мешало. Хотя бы из уважения.

Арина Валерьевна окинула меня совершенно непроницаемым взглядом, так что мой лепет про соболезнавания выглядел по-дурацки. Все-таки кивнула в ответ, медленно и царственно, после чего сама ушла, так и не сказав ни слова. Мы с Людой проводили ее взглядами.

– Она на антидепрессантах, – шепнула Люда, – какие-то мощные таблетки, так что она больше похожа на робота, чем на человека. Но кажется, ей реально наплевать на происходящее вокруг, и это сейчас даже неплохо.

Жена Косницына мне нравилась, она была милой и болтливой. Порой, чересчур, но эту ее черту характера нужно было принять и смириться. Потому что человек она была добрый.

– На самом деле, она к тебе хорошо относится, – продолжила Люда, – да и все мы... Ну знаешь, объективно ты была лучшей его женщиной... Уж явно лучше, чем эта, последняя...

На этом слове она запнулась, видимо, от двусмысленности. Да, эта девушка действительно последняя. Во всех смыслах.

– А кто она? – спросила я.

– Карина Москалева, – тут же выдала Люда информацию, – двадцать семь лет, Шилов подцепил ее в каком-то офисе, куда заезжал по делам. Девушка трудилась секретуткой, но после того, как Андрей уложил ее в постель, конечно, работу бросила и начала тратить его денежки. Вон она, – Люда сделала знак глазами, я аккуратно посмотрела в том направлении. – Столик возле окна, кудрявая шатенка с большими глазами.

Я сразу увидела девушку, которая откровенно скучала. Если она и была опечалена произошедшим, то на ее лице это несильно отразилось. Впрочем, я тоже не выгляжу скорбящей, наверное.

– И сколько они встречались?

– Пару месяцев. Ну знаешь, переехала она к нему очень быстро, и было видно, что губу раскатала на большее. Не знала, что Андрей, как поселит, так и выставит.

Это да. Я тоже не знала.

– Слушай, Люд, – повернулась к ней, – Артем сказал, что ты занималась его юбилеем? Я думала связаться с фотографом, он вроде бы делал снимки нас с Андреем.

– У меня есть все фотки, я тебе могу переслать, только дай свою электронку.

Я продиктовала, а потом добавила:

– Можешь еще данные фотографа скинуть?

– Конечно, – Люда кивнула, явно не заподозрив ничего эдакого.

– Еще ведь от газеты кто-то был?

– Ага. Ну они со своим фотографом приходили, и фотографий там было немного, все постановочные, для статьи.

Мы немного помолчали, потом Люда заметила:

– Мне жаль, что у вас с Андреем не вышло.

А мне нет, чуть не сказала я. Но вместо этого понимающе улыбнулась.

Еще минут тридцать я сидела, разглядывая народ, а потом заметила, что девушка Андрея собирается уходить. И решила последовать ее примеру.

Карину я поймала на выходе из бизнес-центра. Она стояла, куря тонкую сигарету со сладким запахом. Я затопталась возле нее, и девушка, конечно, обратила на меня внимание.

– Сигарету? – поняла по-своему мой интерес. Я покачала головой.

– Меня Настя зовут, – сказала ей, – мы с Андреем одно время встречались...

Посмотрев с недоумением, Карина вдруг спросила:

– Настя? Та, которая Ася?

Я удивленно кивнула. Девушка усмехнулась, рассматривая меня теперь с любопытством.

– Не так я представляла большую любовь Шилова, – сказала в итоге, я снова растерянно вздернула бровями.

– До большой любви там было далеко, – заметила все же.

– Ага, наверное, поэтому каждый, кто только мог, тыкал меня в лицо тем, что до тебя я не дотягиваю. А вот Ася... Ах, Ася... – изобразила она, посмотрев на меня, хмыкнула, совершенно беззлобно, кстати. – И Андрей тоже. Выкинул из дома, потому что я посмела к тебе приревновать.

– Не поняла, – захлопала я глазами. – Мы вообще-то с ним давно расстались.

– Ну уж этого я не знала. Я сама была хороша... Услышала, как он по телефону: Ася, Ася, ну и подумала, что с тобой говорит. Сцену закатила. А он спокойно так: вещи собрала и иди на хрен. Как собачонку выкинул.

Она снова усмехнулась.

– Знаешь, – заметила я, – что бы там кто ни болтал, а меня он выставил точно так же.

Карина уставилась на меня в изумлении, не донеся сигарету ко рту.

– Хочешь сказать... – она не договорила, я кивнула.

– Разбудил утром и вот этими самыми словами, – я грустно усмехнулась.

Обидно мне не было, сейчас вообще было все равно. Но это все только подтверждает тот факт, что его друзья зря сочиняли сказку о большой любви Андрея ко мне. Такие, как Шилов, приходят и берут то, что хотят. А когда необходимость отпадает, просто выкидывают. Не более того.

А вот то, что он говорил с кем-то обо мне, это интересно. Уж точно не мне он что-то твердил в трубку, называя по имени.

– Давно он тебя выгнал? – спросила я, хмурясь. Карина, затушив сигарету, бросила окурок в урну у входа.

Подняв воротник ветровки, ответила:

– Неделю назад. Ну ладно, мне пора, бывай.

Кивнув, девушка поспешила к дороге, я провожала взглядом ее фигуру. Что-то мне все это не нравится. Больше всего не нравится то, что рядом со смертью Андрея слишком часто звучит мое имя.

Через пару дней я вновь оказалась в кабинете следователя. Яснее к тому моменту мне не стало, но поразмыслив, я просто пустила все на самотек. Вряд ли кому-то придет в голову связать смерть Андрея со мной, так что весь этот параноидальный бред про фотографии и надписи проще выкинуть из головы. Так уж ли я хочу знать, что там было в голове у Андрея?

Мне снова и снова задавали вопросы о случившемся. Что я видела, детали разговора. Как будто это поможет им найти убийцу... Зато я узнала некоторые подробности.

Оказывается, был произведен выстрел в бензобак. Предположительно с крыши дома Шилова. Убийство, само собой, заказное, в этом сомнений не возникает.

Потом меня расспрашивали, с кем из друзей и коллег Шилова я знакома, я скрупулезно перечисляла. На этом допрос закончился, уверена, ничем я им не помогла.

А вот дальше стало интересно, потому что часа в четыре, когда я сидела дома с чашкой чая, пялясь в окно, раздался звонок с неизвестного номера.

– Меня зовут Белосельский Геннадий Петрович, – услышала я, сняв трубку, – работаю в нотариальной конторе.

Я сразу нахмурилась, выпрямляясь. Вспомнилась запись в ежедневнике Шилова.

– Андрей Станиславович Шилов являлся нашим постоянным клиентом, – раз время прошедшее, то о смерти ему известно. Еще интересней. – Скажите, Анастасия Михайловна, могли бы мы с вами встретиться, скажем так, в неформальной обстановке?

Так и норовило спросить: а зачем? Но мужчина, естественно, не ответит. Потому я согласилась и, повесив трубку, стала спешно собираться. Мы договорились встретиться через час в кафе у метро «Горьковская». Оно представляло собой подобие грота, было полутемным и небольшим.

Когда я зашла внутрь, Белосельский уже был там, махнул мне рукой. Интересно, успел и внешность мою где-то узнать? Подготовился. Нотариусу было лет пятьдесят, невысокого роста и средней комплекции, седоватые волосы, на глазах очки с большими линзами. В целом, не особенно примечательный дядька.

– Спасибо, что согласились, Анастасия Михайловна.

– Честно сказать, вы сумели заинтересовать, – заметила я, присматриваясь к нему.

Мужчина поправил указательным пальцем очки на переносице и, сложив руки на столе в замок, заговорил:

– Я бы не стал вас тревожить раньше времени, если бы не некоторые обстоятельства. Вам, конечно, известно о гибели Шилова Андрея Станиславовича?

Я молча кивнула. Тут пришлось прерваться, потому что к нам подошел официант. Поставил перед нотариусом чашку с чаем, я заказала кофе. Белосельский задумчиво помешивал ложкой сахар, думая о своем. Я терпеливо ждала.

Наконец, словно опомнившись, мужчина снова заговорил.

– Так вот, о деле. Сегодня ко мне приходили кое-какие люди... – он на мгновение замялся. – Не самой лучшей репутации, скажем так. Да и в любом случае, я бы не мог удовлетворить их интерес. Они хотели знать о завещании Андрея Станиславовича.

– А оно было? – спросила я, не совсем понимая, куда катится наша беседа и при чем тут я. Хотя упоминание о плохих людях мне не понравилось. Белосельский кивнул.

– Составлено по форме два месяца назад.

Официант поставил передо мной чашку, поблагодарив, я сделала глоток, а нотариус заявил:

– Я не имею права распространять эту информацию раньше времени, но мы с Андреем Станиславовичем были в дружеских отношениях... А учитывая обстоятельства его смерти... Думаю, что не будет лишним предупредить вас заранее. Вы – единственная наследница Андрея Станиславовича.

Я поперхнулась, горячий кофе обжег горло. Откашлявшись, посмотрела на нотариуса и чуть не спросила, а в своем ли он уме?

Белосельский тем временем продолжал монотонным голосом, словно урок повторял:

– Все движимое и недвижимое имущество, его доля в фирме, доступ ко всем вкладам...

– А мать он мне не завещал? – все-таки не удержалась я, за что получила укоризненный взгляд.

– В общем, – подытожил нотариус, – по сути, вы практически можете занять место Андрея Станиславовича во всех, так сказать, отношениях.

Я немного поморгала глазами, оценивая данный факт. Вот спасибо, Шилов, услужил! Он вообще думал, сколько проблем я огребу от такой его щедрости? Вот кстати, первые уже есть.

– А что там за люди с плохой репутацией? – спросила Белосельского. – Что они хотели?

– Узнать подробности завещания, если оно было. Надеюсь, вы понимаете, что раскрытый мною факт не подлежит огласке? Боюсь, они могут узнать, что хотят, обходными путями. Поэтому и решил предупредить вас заранее.

– Спасибо, – кивнула я, задумываясь.

Что за хрень творится? Только я решила, что меня все это не касается, так нате вам. Менты наверняка тоже заинтересуются данным фактом, не только какие-то сомнительные личности. И такое обилие меня миленькой может показаться им презренным.

И снова полезли непрошенные мысли: почему Андрей сделал это? Зачем оставил все мне? И почему здоровому молодому мужчине вдруг пришла в голову мысль составить завещание?

– Простите, Геннадий Петрович, – обратилась я к нотариусу, – а до этого у Андрея было завещание?

Белосельский явно начал колебаться в рамках своей профессиональной этики, но потом, видимо, решил, что хуже не будет.

– Было завещание, он обновлял его каждый год. По нему практически все получала его мать. Некоторые денежные суммы расходились по людям или фирмам. Это завещание практически не изменялось в течение двенадцати лет.

– А два месяца назад Андрей переписал его?

– Да, – Геннадий Петрович в волнении снова поправил указательным пальцем дужку очков. – Я, конечно, спросил его, что случилось, но он не пожелал распространяться. И хотя мы неплохо общались, я посчитал неучтивым лезть с вопросами. Ну знаете, ведь он мог поссориться с матерью... Или еще что-то...

Поссориться с матерью и так обидеться на нее, что исключить из завещания? Или перестраховаться, чтобы в случае чего ей ничего не досталось? Арина Валерьевна с винтовкой на крыше его дома? Убивает родного сына, чтобы заполнить состояние? Смешно.

– Что ж, спасибо вам большое, – сказала я, – рада, что вы рассказали мне.

– Надеюсь, все обойдется, – кивнул он.

– А эти люди... Они не представились?

– Их было двое, но разговор вел один. Назвался близким другом Андрея Станиславовича.

– А имя? – нахмурилась я.

У нас в близких друзьях только Артем, но во-первых, он личность известная, а во-вторых, назвать его человеком с плохой репутацией может только слепой... и то вряд ли.

– Назвался Константином Драгунским, документы я не спрашивал, ну и вообще, как понял тему беседы, сразу свернул разговоры.

Константин Драгунский. Это что-то новенькое. По крайней мере, я никогда о таком не слышала.

Когда мы с Белосельским расстались, я пошла в сторону Троицкого моста, решив немного прогуляться. Погода, конечно, не располагала, ветер с Невы задувал прямо в лицо, подняв воротник куртки, я спрятала в него нос.

Все чудесатее и чудесатее. Только мне кажется что-то, что ничего хорошего мне лично не светит.

Что же выходит? Я все же была права? То есть касательно того, что последнее время Шилов что-то явно затевал и планировал использовать меня. Отсюда и завещание, и заявление о том, что я снова возвращаюсь к нему.

У Андрея были какие-то планы, которые оказались в один миг оборваны. Но что за планы? И какова моя роль? Может, экономические махинации? А что, вполне в его духе. Он мог и жениться на мне, если надо, переписать какие-нибудь фирмы или что-то в этом духе. Отмыть таким образом деньги. Он же пробовал и знал, что я не смогу ему отказать, если он применит силу.

Даже спрашивать не стал, все подготовил заранее. Что все? В этом и вопрос. И голову посетила неприятная мысль: а закончилось ли это с его смертью или у меня еще все впереди?

В целом, Белосельскому и впрямь стоило сказать спасибо, потому что все последующие события я таки была рада встретить подготовленной. А они не замедлили себя явить.

Вечер, правда, обещал пройти в спокойной домашней обстановке. Работу я даже не пыталась искать, благо, Илья подкинул денег, да и своя заначка у меня была. Не знаю, состояние было странное, словно чего-то ждешь, и поэтому не берешься ни за какие дела. Вот и я не пыталась вернуться к привычной жизни. Вместо того, чтобы искать работу и встречаться с друзьями, сидела дома.

Поэтому неудивительно, что вечером нагрянул брат. Рассматривал меня так, словно это я умерла, а потом восстала.

– Ну чего ты, а? – устало спросила его, забираясь на диван под плед.

– Чем занимаешься? – спросил Илья, устраиваясь в кресле.

– Книжку читаю, вот, – для достоверности я даже продемонстрировала ему обложку лежавшей рядом книги.

– Преступление и наказание, – хмыкнул брат, покачав головой, уставился на свои руки.

Повисло молчание.

– Илья, что случилось? – спросила я, наконец. Он вздохнул.

– Мы все за тебя переживаем. Мама говорит, что ты сидишь дома, как сыч, и по телефону отвечаешь так, словно мечтаешь поскорее от нее отделаться.

– Да я всегда с ней так разговариваю, – пошутила я, брат улыбнулся.

– Заехала бы к ним.

– Заеду завтра, – пообещала ему. Мы еще немного помолчали. Потом Илья спросил:

– Точно все в порядке?

– Да. С чего вы вообще решили, что меня надо спасать?

Он пожал плечами.

– Ну все-таки вы с Шиловым полгода были вместе... И родители ведь не знают, почему вы... – он так сбился, я усмехнулась.

– Ладно, завтра приеду с цветами и фанфарами и спляшу перед ними канкан.

– Боюсь, тогда они точно решат, что тебе требуется помощь, – рассмеялся Илья.

– Чаем напоить? – перевела я тему. – Ужин не предлагаю, лень было готовить.

– Нет, поеду.

Он встал, я поднялась следом.

– Тебя отправили разведать обстановку? – хмыкнула-таки на выходе.

Илья обнял меня, я прижалась к его груди. С братом всегда было хорошо. Как-то так сложилось, что мы были не только родственниками, но и друзьями, несмотря на разницу в возрасте в четыре года. Он гулял со мной на детской площадке, провожал в школу, в старших классах отваживал, как любил повторять, идиотов...

А еще он спас меня, когда я думала, что жизнь уже кончена. Спас от большой ошибки, и за это я буду вечно ему благодарна.

Илья, поцеловав меня в макушку, отстранился.

– Побегу. Может, на днях посидим где-нибудь втроем? Мы с Людой будем рады...

– Как у вас с ней? – спросила я, он усмехнулся.

– Мама бы сейчас уже плевала через плечо, шикая на тебя.

Я хмыкнула в ответ.

– Надеюсь, у вас сложится.

Илья, еще раз чмокнув меня в голову, ушел. Кажется, он ничего о происходящем не знает, и, наверное, пока это хорошо, а то бы развел панику.

Глава 5

На следующий день я все-таки решила посетить родителей, дабы избавить их от подозрений на мой счет. Чтобы не делать пересадок, потопала до «Технологического института» пешком.

День выдался холодный, дождя не наблюдалась, но воздух был почти морозный. Я закурила платок, спрятав в нем пол лица, и направилась в сторону Обводного канала. Народу на улицах было немного, я шла, не думая ни о чем, смотрела в пространство перед собой.

Было лениво и холодно, единственная мысль, крутящаяся в голове: купить торт сейчас или когда приеду на Ветеранов? Наверное, из-за этого я не сразу поняла, что кто-то взял меня за локоть. Я уже стояла среди людей возле пешеходного перехода напротив метро.

Обернувшись, увидела среднего роста мужчину в кожаной куртке. Коротко стриженный, лицо угрюмое. Сердце против воли ухнуло куда-то вниз, но не успела я испугаться по-настоящему, как мужчина сказал:

– Простите, Анастасия Михайловна, можно вас на минутку?

Так как вокруг толпились зеваки, я сочла за благо отойти в сторону. И тут же поняла, куда меня приглашают. Чуть поодаль припарковался черный «Мерседес», возле которого стоял мужчина.

На вид ему было лет сорок пять, высокий, крупный, но лицо приятное, симпатичный. Короткие темные волосы, смешливые темно-карие глаза, на губах улыбка, делающая его почти милым. Помимо воли скользнула мысль: вот у таких улыбок самые острые зубы.

И не стала обманываться, нахмурившись, решила, что играть в дружелюбие в отличие от него не буду.

– Добрый день, Анастасия Михайловна, – мужчина протянул мне руку, – Звягин Евгений Леонидович.

О как. Честно сказать, не ожидала, что удостоюсь такой чести. По крайней мере, вот так лично и с уважением.

Пожав мне руку, мужчина спросил:

– Можем мы поговорить?

Покосившись на его автомобиль, я растянула губы в улыбке.

– Если только в кафе.

– Не вопрос, – он даже руки вперед выставил.

Небольшая кофейня нашлась неподалеку. Мы разместились за столиком в углу, сделав заказ, Звягин улыбнулся, внимательно меня разглядывая.

– Знаете, вы мне сразу понравились, – заметил, вызвав легкое удивление.

– Мы с вами даже не знакомы, – ответила ему, Евгений Леонидович кивнул.

– Я видел вас с Шиловым. Присматривал за ним, знаете ли, из личных побуждений.

Эти слова вызвали невольную усмешку.

Потом Звягин добавил:

– Я ему даже говорил, что нашел он вас на свою погибель.

Не знаю, почему, но в этот момент я вспомнила фотографии и уставилась на мужчину, надеясь, что он не заметил моего напряжения.

– В том плане, что после такой, как вы, другие женщины уже не котируются, – мягко улыбнулся Звягин, заставив почти облегченно выдохнуть.

Хотя спорный момент, не пытался ли он таким образом увидеть мою реакцию, потому и использовал столь провокационные обороты.

– Вы про это хотели поговорить? – поинтересовалась я несколько язвительно. Он усмехнулся.

– Нет, конечно, нет.

Тут нам принесли чайник и чашки, Звягин разлил чай. Я свой не торопилась пить, обхватив чашку, грела руки.

– Не будем отнимать друг у друга время, – кивнул Евгений Леонидович. – Судя по вашей реакции на мое имя, вы знали о моем существовании... И полагаю, для вас не секрет, что многие склоняются к тому, что убийство Шилова – моих рук дело.

Я продолжала молча на него смотреть, ожидая продолжения. Впрочем, примерно догадываясь, о чем оно будет.

Звягин, вдруг перегнувшись вперед, опираясь на локти, уставился прямо мне в глаза.

– Я не буду пытаться убедить вас в том, что это был не я, – сказал, таки сумев выбить из колеи, – потому что, сами понимаете, доказательств своей непричастности предъявить не могу.

– Но это, конечно, не вы, – усмехнулась я. Мужчина тоже усмехнулся.

– Не я. Не прошу верить на слово, но, Анастасия Михайловна, как-нибудь просто поразмышляйте на эту тему. Задайте себе вопрос: если не Звягин, то кто еще мог на такое решиться? И главное, зачем?

Выпрямившись, Евгений Леонидович сделал небольшой глоток, я же сидела, переваривая услышанное. А ведь в чем-то он прав. Его обвиняют, потому что мужчина имел мотивы и возможности, но если это не он, значит, у Шилова был еще один враг, который сумел ловко свалить убийство на другого человека. Но смерть Андрея должна быть ему в чем-то выгодна.

Нахмурившись, я откинулась на спинку стула и спросила:

– А при чем тут, собственно, я?

Звягин пожал плечами:

– Уже почти ни для кого не секрет, что вы его единственная наследница... Скажите, Анастасия Михайловна, насколько хорошо вы были осведомлены о делах Шилова?

– Я вообще о них ничего не знаю.

– Не интересовались, или Шилов не желал распространяться?

– Я не интересовалась, а он не желал, – отрезала я, вызвав улыбку Звягина.

– Что ж, тогда позвольте, я вас просвещу.

– А это имеет смысл?

– Возможно, – сделав еще один глоток, Евгений Леонидович отставил чашку и заговорил. – Шилов в Питере был далеко не последний человек. Своего положения он сумел добиться в основном за счет того, что вовремя завязал с криминалом и сумел затесаться в друзья к власти. В друзья, само собой, неофициальные, потому что бандит в глазах граждан, даже если он бывший, все равно всегда бандит. Шилов сумел зарекомендовать себя, а потому занять высокое положение. Но время идет, и всегда появляются те, кто желает побороться за ту или иную сферу влияния. Однако Шилов был достаточно умен и прозорлив, он следил за ситуацией и вовремя... – Звягин на мгновение задумался. – Скажем так, он собирал некоторую информацию о тех, кто, на его взгляд, мог скинуть Шилова с его места. Власть имущие в этом ему помогали, потому что им, сами понимаете, выгодно держать всех у ногтя. На момент гибели, Анастасия Михайловна, – Звягин снова перегнулся ко мне, – у Шилова, предположительно, были собраны внушительные компроматы на очень многих людей нашего славного города.

– И на вас? – почему-то прошептала я.

– И на меня. А теперь смотрите, что мы имеем. Шилов умирает, и все эти люди, само собой, хотят получить бумаги. Если те не оказались в руках друзей Шилова, конечно. В любом случае, поискать стоит, как считаете? А кто в этом может помочь, догадываетесь?

Я догадывалась. Более чем догадывалась. И мысленно прокляла Шилова, пожелав ему гореть в аду. Это что, своеобразная месть? Он же прекрасно понимал, что меня ждет. Поэтому и не оставил ничего матери, избавив ее от столь пристального внимания криминальных авторитетов нашего города, прячущихся под личиной добропорядочных бизнесменов?

Тяжело выдохнув, я потерла виски. Звягин попивал чая, не торопя меня.

– И чего вы хотите? – спросила я наконец.

– Вы не в самом выгодном положении, Анастасия Михайловна, – заметил он, как будто я этого не поняла. – Люди, желающие получить компромат, не всегда доброжелательны, а некоторые могут применить силу. Я предлагаю вам защиту.

– В обмен на что? – усмехнулась я. Меня сыром в мышеловке не заманить.

– На бумаги, – он вновь улыбнулся, – я хочу все бумаги, которые мы сможем найти.

Я усмехнулась, вновь откинувшись на спинку и запустив руку в волосы.

– А что вам мешает потом самому меня закопать в ближайшем лесочке? – спросила, не удержавшись.

– Логичный вопрос, – кивнул Звягин, – бумаги на меня останутся у вас. В качестве залога вашей безопасности.

Мы немного посверлили друг друга взглядами.

– Я могу взять время на обдумывание?

– Конечно, – кивнув, мужчина подозвал официанта и попросил счет. Вытащив купюру, положил на стол, встав, заметил: – Только не затягивайте с решением. Ради собственной безопасности. Всего доброго, Анастасия Михайловна.

Накинув на плечи пальто, Звягин покинул кафе, а я уставилась в стену.

Я смотрела на эту стену, словно надеясь, что она, как в старой советской комедии, поплывет и откроет мне портал в прошлое. Где Шилов жив и здоров. И я сама его, блин, убью.

Господи, что за бред? Я обычная ничем непримечательная девушка. Серая мышка в сером Питере. Со мной просто не может такого произойти. Сколько их, этих криминальных авторитетов, свалится сейчас на мою голову?

И Звягин прав, не все будут доброжелательны. Да и тот так себя ведёт до поры, до времени. Но неужели они и впрямь считают, что я могу привести их к компромату?

Я перевела непонимающий взгляд на официанта, подошедшего забрать счёт. Вложив купюру, оставленную Звягиным, поднялась и, быстро собравшись, выскочила на улицу. Теперь все вокруг казалось подозрительным: каждый человек, идущий рядом, каждый автомобиль, притормаживающий на обочине. А если меня просто схватят, затолкают в салон и увезут?

Закусив губу, я вызвала через приложение такси. Только ехать решила не к родителям. Усевшись на заднее сиденье желтой “Шкоды”, я отправилась в центр, на квартиру Шилова. Сама не знаю, почему меня туда потянуло, благо, ключи так и валялись в сумочке.

Квартиру я открывала на нервах, зайдя внутрь, дверь оставила открытой. Кажется, там было пусто. Я присвистнула, осматриваясь в гостиной: здесь все было вверх дном. Заперев дверь, вернулась обратно и присела на краешек дивана.

Кто-то основательно покопался, и почему-то подумалось, что это не сотрудники полиции. Искали... бумаги? Я прошла по коридору к кабинету. Здесь тоже потрудились на славу: сваленные на пол книги, картина, сейф открыт и предсказуемо пуст. Возникает логичный вопрос: нашли ли то, что искали? Сильно в этом сомневаюсь.

Андрей дураком точно не был и вряд ли хранил дома компромат. А вот в банковской ячейке... к которой доступ будет у меня, как только я вступлю в права наследования... С другой стороны, тоже так себе вариант. Шилов же должен был понимать, что в случае чего ячейку могут и менты вскрыть. А может, он этого и хотел?

Чтобы я нашла бумаги и отнесла их следователю. Вот уж тот обрадуется. Так обрадуется, что сожжет их к чёртовой матери. Ни один мент в здравом уме не полезет сажать всех этих бандюков.

Самым разумным со стороны Шилова было бы сделать так, чтобы документы попали к его друзьям из власти, о которых рассказал Звягин. Уж они бы нашли, как ими воспользоваться. Скорее всего, так он и сделал, так что в самом скором времени эти люди надавят на тех, кто

жаждет получить компромат, и все утрясется. Моя задача проста – пережить это все. В прямом смысле.

Я набрала Белосельского, ответил он далеко не сразу, я уже решила положить трубку, когда раздался его голос.

– Это Настя Киреева, – начала я, но он перебил.

– Да, да, я вас узнал, что-то случилось?

– Скажите, как я могу узнать все детали завещания?

– Вы можете прийти ко мне или в любую нотариальную контору со справкой о смерти Андрея Станиславовича. Есть общая база, завещание открытое, так что... Но вообще, я готовлю и сам процедуру оповещения... Через несколько дней вы будете поставлены в известность. Чтобы вступить в права наследования, нужно будет собрать пакет документов. В принципе, сейчас много контор, которые могут сделать это за вас по доверенности.

И не только контор, хмыкнула я мысленно.

– Ясно, спасибо вам. А через сколько я смогу вступить в право наследования?

– Документы должны быть оформлены в течение полугода. После этого срока вы сможете вступить в права наследования.

Распрощавшись с Белосельским, я вышла в гостиную. Ещё раз оглядевшись, прошла в кухню. Кто бы тут ни куролесил, он явно не боялся последствий. В этом доме живут люди обеспеченные, и хотя консержем не обзавелись, но камеры в парадных стоят. Почему бы не попробовать достать записи?

Я направилась к стеллажу, в котором Шилов хранил документы. Здесь были счета за квартиру и различные бытовые договора. Нашёлся и с охранной фирмой, к которому скобой была прикреплена визитка с номером телефона. Ваш менеджер Валерий, гласила запись, сделанная ручкой. Договор я прочитала, а потом решила позвонить.

Вообще, в квартире была установлена сигнализация вот как раз на такие случаи. То есть когда-то была, но пару раз Шилов забывал ее отключить, и к нему навевались ребята из ОМОНа. Так как они причин появления не называли, Андрей нехило струсил, так что решил от сигнализации отказаться.

Набрав номер на визитке, я принялась слушать гудки, сильно сомневаясь, что меня ждёт успех. С Валерием соединили быстро, я начала путано изъясняться, уверенная, что меня пошлют. Но когда суровой мужской бас узнал мою фамилию и имя, резко подобрел и обещал во всем разобраться.

Оказалось, что я была включена в список жильцов данной квартиры, что, безусловно, несказанно удивило. Хотя, может, Шилов просто забыл меня исключить в своё время? И у него там проживающих ещё пяток девиц указано? Я не стала уточнять у Валерия данный факт.

Так как я точный день вторжения не знала, то Валерий обещал перезвонить, когда уточнит информацию.

– Вам нужно с этим в отделение, – заявил под конец. – Это не шутки.

Я была с ним согласна по обоим пунктам. На шутку происходящее точно не тянуло, да и ментам не мешает знать, что кто-то был на квартире Андрея.

Номер следователя нашёлся на бумажке на подоконнике. Забавно даже, что я забыла его в тот вечер здесь и здесь же обнаружила.

Синичкин был немало удивлён полученной информации и попросил по возможности подъехать к нему в отделение. Находилось оно недалеко от Московского вокзала.

Вздыхнув, я обещалась быть в течение часа. Лучше уж сразу решать все дела.

Почти уверена, мама слушала меня, поджав губы и манерно качая головой.

– Я, между прочим, обед приготовила, – сказала таким тоном, словно там утка в яблоках меня ждёт.

– Мамуль, – зачастила я, – отличная вакансия, понимаешь, боюсь, уведут. Съезжу на собеседование, а потом к вам, ну?

– Дочь, дочь, – вздохнула она, – что я могу тебе ответить? Поезжай, конечно.

Ложь, как говорится, во спасение. Лучше родителям не знать, чем я занимаюсь на самом деле.

Синичкин на мое появление улыбнулся, хотя и скуп.

– Присаживайтесь, Анастасия Михайловна, – указал на стул с другой стороны от своего стола.

Кабинет был маленький, уставленный шкафами с папками. Я осторожно села, поглядывая на следователя.

– Ну рассказывайте.

И я передала суть событий, правда, к Шилову поехала вроде как за забытой зарядкой.

Синичкин некоторое время помолчал, о чем-то думая и глядя перед собой. Я терпеливо ждала.

– Вы знаете о завещании? – внезапно спросил мужчина, переводя на меня взгляд.

Вздернув в удивлении брови, я захлопала глазами.

– Да, – сказала наконец, – нотариус мне звонил.

– Почему он оставил все вам? Ведь у него есть родные.

Я неуверенно пожала плечами.

– Этот вопрос стоило бы задать ему. Я была удивлена не меньше вашего, узнав данный факт.

– Вы ведь опять сошлись с ним, я правильно понимаю? Незадолго до его гибели?

Я снова кивнула. Сошлись ли мы? Ну можно и так сказать.

– Кто был инициатором?

Так, что-то не нравятся мне все эти вопросы.

– Андрей, – ответила все же, – он сделал первые шаги, а я согласилась попробовать ещё раз.

Боже, как отвратительно неправдоподобно это звучит. Как язык-то поворачивается такое говорить.

Синичкин ещё немного подумал.

– Спасибо, что сообщили о погроме, – заявил наконец, протягивая мне лист бумаги и ручку, – опишите здесь все ещё раз и можете быть свободны.

Я немного похлопала глазами. Двойное было ощущение, с одной стороны, следователь вроде бы и вовсе не заинтересовался фактом разгрома, с другой, что-то мне подсказывало, что сие стало ещё одним кусочком пазла.

Я писала, искоса поглядывая на мужчину, он, кажется, этого не замечал. Сидел, погруженный в какие-то бумаги, коих на столе было немало.

Отложив листок, я спросила:

– Ну я пошла?

Синичкин, взяв его в руки, бегло пробежался взглядом, а отложив, спросил, внимательно глядя на меня:

– Скажите, Анастасия Михайловна, правда ли, что вы грозились убить Шилова?

На мгновение у меня похолодели пальцы, а тело, наоборот, бросило в жар. Я почувствовала, как вспотели подмышки и ладони.

– Грозилась убить? – переспросила нерешительно.

Нет, он не может знать о тех моих сумасшедших мыслях, потому что они варились только в моей голове и не покидали ее пределы. Ведь не покидали же?

– Говорят, незадолго до вашего разрыва между вами произошёл конфликт, и вы заявили, что знаете способ убить Шилова так, что никто никогда на вас не подумает.

Я поморгала, глядя на следователя в изумлении. А потом вспомнила тот вечер. Он проищёл незадолго до юбилея Косницына.

Я смотрю на себя в зеркало и честно не узнаю. За эти месяцы неволи... Или как назвать эти странные отношения? За эти месяцы что-то внутри меня треснуло, а потом срослось заново. Места склейки вроде бы и не видно, но смотришь и понимаешь: что-то не так.

Мы с Шиловым едем на какую-то неформальную встречу. Там будут его соратники по бизнесу. В ресторане для нас заказан отдельный кабинет. Всего оказывается четыре пары, включая нашу. Я всматриваюсь в лица дам и вижу в них легкое презрение, все они старше меня лет на десять. И все, конечно, жены, настоящие, не то, что я. Потаскушка, раздвигающая ноги за деньги. Это не я так думаю, это я случайно слышу, когда иду в туалет. Задевает ли меня данный факт? Нет. Они совсем не знают, как обстоят дела на самом деле, и меня это вполне устраивает. Лучше быть продажной шлюхой, меньше вопросов.

Шилов не за рулем, потому позволяет себе выпить. Я смотрю на него и напрягаюсь: знаю этот его насмешливый взгляд. И он мне не нравится. Андрей, когда так смотрит, неизменно пытается что-то у меня выведать. Залезть, что называется, в душу. А у меня душа закрыта, и ключ от замка я давно выбросила в глухой омут.

Шилов знает, что меня бесят такие разговоры, но не отказывает себе в удовольствии вышибить меня из колеи.

Вот и сейчас он смотрит, прищурившись, а потом вдруг тихо говорит:

– Ненавидишь меня?

Я одариваю его тяжелым взглядом и отворачиваюсь. А Шилов наклоняется к моему уху и начинает шептать:

– Я знаю, что ненавидишь, Ась. Иногда ты разговариваешь во сне. И я слышу это. Слышу твои планы.

Резко обернувшись, я смотрю на него, широко раскрыв глаза. Он блефует? Издевается? Неужели я реально разговариваю во сне? И неужели именно об этом? Его глаза так близко, что мне кажется, Андрей смотрит прямо в мои мысли, которые сейчас, как на ладони.

– Какие-то глупости, – нахожу в себе силы вытолкнуть эти слова и отворачиваюсь. Беру вилку и нож, начинаю старательно резать кусок мяса. Шилов не отстраняется, смотрит все тем же пронзительным взглядом, и у меня непроизвольно начинают дрожать руки.

– Ну я не принимаю их всерьёз, Ась, – выдаёт Андрей. – Хотя, может, стоило? Не зря же ты в психушке лежала.

Я сжимаю вилку, пытаюсь ухватиться за остатки разума и не отреагировать на этот выпад. Но перед глазами уже расстилается пелена. Откидываю приборы, кажется, они грохочут на тарелку с оглушительным звоном, от которого закладывает уши. Повернувшись, встречаюсь с насмешливым взглядом.

– Если хочешь знать, Шилов, я действительно мечтаю тебя убить, – я говорю, уже не пытаясь сдерживаться. – И да, думаю об этом. Постоянно думаю. И советую тебе быть аккуратным и внимательным, потому что я слишком хорошо тебя изучила. Поверь, если захочу, смогу убить, а никто даже не догадается, что это была я.

Я не замечаю, как вокруг повисает тишина, как все взгляды устремляются на меня. Не замечаю и того, что я уже не шепчу, а говорю громко. И только закончив и отстранившись, вижу изумленные лица вокруг. Бросив взгляд на Шилова, который сидит с все той же ухмылкой на лице, я спешно поднимаюсь и, извинившись, сбегая в туалет. Дрожащими руками открываю холодную воду, набрав в ладони, брызгаю на лицо, растираю. Еще раз, еще.

Наконец, поднимаю глаза и смотрю на свое отражение в зеркале: размазанная косметика на бледном лице, глаза широко раскрыты, губы дрожат. Вот это тебя торкнуло, Ася. Надо быть сдержанней. Сколько раз повторяла: следи за собой и за происходящим, не давай

Шилу в вывести себя на эмоции. Сглотнув, я беру салфетки, смочив, начинаю вытирать тушь и тени, размазанные по лицу. Итоговый результат далек от идеального, но по крайней мере, я уже не похожа на Мэрлина Мэнсона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.